

ГАЛИНА РОМАНОВА

СЧАСТЬЕ С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ

Галина Владимировна Романова

Счастье с третьей попытки

Серия «Детективы Галины Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748303
Романова, Галина Владимировна. Счастье с третьей попытки :
[роман]: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80293-7

Аннотация

Следователь по особо важным делам Лариса Усова была необыкновенно, безумно счастлива. Так счастлива этим солнечным утром, что даже сердце щемило от умиления, как же сильно она любит своего мужа Ивана и как ей с ним повезло. Ей не хотелось вылезать из теплой постели, но необходимо было срочно связаться с неожиданно появившимся свидетелем Устиновым, который обещал предоставить информацию о криминальной группировке Гаврилова. Информация, по словам Устинова, настолько важна и уникальна, что он требовал взять его под защиту следствия и предоставить большое вознаграждение. Лариса поехала в гости к свидетелю, но обратно уже не вернулась. Ее тело было обнаружено недалеко от подъезда дома Устинова...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Галина Романова

Счастье с третьей попытки

© Романова Г.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Бабье лето неохотно сдавало свои позиции, заливало с утра ярким солнечным светом город, избавляя горожан ближе к полудню от курток, свитеров и заставляя их обмахиваться газетами и журналами на остановках и в магазинах, где уже перенастроили систему кондиционирования на обогрев. Куртки и толстые кофты благополучно забывались на работе. Народ, беспечно обнажившись еще в обеденный перерыв, вываливался вечером из офисных дверей на улицу, спешил на остановки и промерзал до костей. Наутро, как следствие, насморк, воспаленное горло и срыв к черту всех планов!

Вот как у нее сегодня.

Она должна была встретиться с одним из свидетелей по очень громкому делу, которое было на контроле на самом-самом верху. Выше был только сам Господь Бог, наверное.

А какая теперь встреча, если с носа капает! И в легких свистит, и трясет так, будто она не под одеялом теплым сейчас, а на полке холодильника дремлет.

Лариса крепче зажмурилась, повыше подтянула одеяло, шумно задышала в него, пытаясь согреться дыханием.

Свидетеля этого ей притащил ее помощник – Вадик Харламов. Отличный парень, хотя и кажется обормотом. И стучит на него всяк кому не лень. А Лариса его уважала за

профессионализм и порядочность, вот. Где он откопал этого зашуганного мужичка, что-то видевшего и даже сумевшего якобы заснять на камеру мобильного телефона – что именно, Ларисе было неизвестно. Но нашел же, паразит! Правда, мужичок тот отчаянно боялся за свою жизнь и все время требовал применить к нему программу защиты свидетелей.

Лариса кивала и обещала посодействовать. А про себя с печалью восклицала: «Какая такая программа, дядя?! О чем ты?! В совершенной системе развитых стран она не совершенна. Что говорить о нас?!»

У нее в отделе сколько было народу прежде? Пятеро! А теперь сколько осталось? Трое! И не потому, что народишко бежит. А потому что его благополучно сокращают. И кто станет заниматься защитой свидетеля, если это вообще не работает!

– Лариса, к тебе можно?

Дверь спальни приоткрылась, показалась голова ее любимого Ваньки. Красивая голова, талантливая. Лариса называла ее головой породистого кота, потому что муж любил покошачьи щуриться. Высокий широкий лоб, густые темные волосы, простреленные сединой, крупный в меру нос, властный рот, хитрющие зеленые глазищи. Хорошая голова, красивая. Она ее очень любила. И все, что располагалось ниже, любила тоже. И плечи, ставшие за пятнадцать совместных лет покатыми и оплывшими. И пузико, чуть выпирающее поверх ремня. И ноги с артритными коленками, и руки

с большущими кулаками. Ванька как-то очень стремительно старел. Она его даже по больничкам начала таскать пять лет назад, озаботившись его увяданием. Но врачи заверили, что с ним все в порядке. Просто он такой, и все. Генетика такая, подвели они черту.

Лариса, напротив, хоть и была старше мужа на два года, в свои сорок два была еще ого-го какой красоткой! Среднего роста, прекрасно сложена, русые волосы до лопаток, симпатичное лицо без морщин, ни грамма лишнего веса. Никто никогда не давал ей ее возраста.

– Вижу, что не спишь. – Ванька шире распахнул дверь и по-медвежьи влез в спальню с огромным подносом, уставленным посудой. – А я своей Ларочке завтрак принес. В постельку.

– Не хочу ничего, Вань, – просипела она и глубже залезла под одеяло.

Она не любила, когда муж видел ее такой – с опухшими глазами, красным носом, лохматую, с сизыми губами. Не часто болела, но случалось же. И старалась на глаза ему не попадаться в такие моменты. Нет, он сам пришел!

А час, между прочим, который? Правильно, половина девятого. И ее Ванька уже должен быть в фирме, которой он благополучно руководит третью пятилетку. Она сильно надеялась, что он уже уехал. И надеялась тихо выбраться из-под одеяла, добрести до ванной комнаты, поваляться в горячей воде с компрессом на физиономии и смыться из дома.

Хотя муж ей это запретил категорически.

– Не хочешь, но будешь! – возразил муж, присел на край кровати. – Давай, давай, двигай попкой, принимай надлежащее положение. Поднос поставлю тебе на колени.

Лариса подтянулась на локтях, села. Расправила на коленках одеяло. Ваня тут же поставил поднос. Лариса присвистнула.

– Ничего себе! Милый, я за неделю столько не съем!

Еды было много. Горкой творог на тарелке, стакан сока, тарелка с дюжиной тостов, вазочка с малиновым джемом, кофейник, две кофейные чашки.

– Я помогу, малыш, – утешил он ее и тут же схватил тост, намазал его джемом и захрустел. – Ты давай, детка, восстанавливайся. Твой Харламов уже телефон оборвал.

– Пусть обрывает. – Лариса со вздохом опустила десертную ложечку в творожную горку. – Я болею сегодня.

– Ой, да ладно заливать-то, Лара! – Ванька хохотнул, посыпая крошками шелковый пододеяльник. – А то я тебя не знаю! Сейчас, стоит мне за дверь, ты под струю воды и за порог. Ну? Что краснеем, подполковник? Прав твой котище, а? Прав?

– Прав, – призналась она со вздохом, с трудом проглотила ложку творога. – Вань, ну можно я творог не буду, а, Вань? Ну не люблю я его!

– Беда с тобой, Усова. – Муж схватил тарелку с творогом, отобрал у нее ложку, начал сноровисто справляться с мо-

лочным продуктом, не забывая бубнить. — Это не люблю, это не буду. Что ты как маленькая! Есть надо хорошо. И много. Вот как я.

Лариса мелкими глотками пила сок и любовалась мужем. Она его так...

Она его так любила! Так любила, что даже сердце щемило, когда она думала об этом, когда пыталась измерить силу своих чувств, когда представляла, что будет с ней, если его вдруг не станет в ее жизни. И сразу накрывала тоска, выбивающая слезы. Как вот сейчас.

— Эй, ты чего?! — перепугался Ваня, с грохотом швырнул пустую тарелку на поднос, поставил его на тумбочку. — Ты чего, маленькая? Плохо тебе совсем, да? Хочешь, я не пойду никуда и останусь тут, с тобой? Хочешь, Ларусь?

Ванька расстроено запыхтел. Его большие сильные руки осторожно подтянули ее, прижали, крепкие губы уткнулись в ее потный висок, он слегка качнулся, будто хотел ее убаюкать.

— Ты не расстраивайся, лапуля моя. Все у нас будет хорошо, — прошептал он сдавленным голосом. И неожиданно добавил: — И пусть они не думают...

Она не стала спрашивать его о тех, кто о чем-то таком думает, хотя это и укололо какой-то ненужной посторонней помехой. Она просто прижалась к теплему боку мужа, зажмурилась и попыталась избавиться от щемящей тоски, надрывающей душу. И тут же вспомнила, что тоска эта явилась не

вдруг, не сейчас. Уже неделю треплет ей нервы это странное тянущее чувство, ощущаемое почти физически. Она даже помнит, как оно зародилось.

Она в тот день стояла у окна в своем рабочем кабинете, рассматривала залитую солнечным светом улицу, мелкими глотками допивала чай, приготовленный Вадиком Харламовым, и вдруг...

Все суета... Все тлен... Все эти люди, спешащие по проспекту, радующиеся теплой погоде, удачной покупке, сложившимся отношениям, – все тлен. И люди сами, и их чувства.

И накатило именно тогда, она точно помнит. Накатило, окутало будто темной липкой паутиной, поселило в душе странное тревожное ожидание. Словно что-то вот-вот должно случиться. Что-то плохое. И она в тот день перекрыла все показатели по звонкам мужу и родителям. Следующие дни ее продолжило угнетать то же чувство, но уже чуть сглаженно, не так остро. А сейчас вот опять вернулось. Да с такой силой, что сердце заходится.

– Вань, а Вань, – позвала Лариса и подняла на него несчастные глаза. – А ты меня любишь?

– Дуреха...

Он улыбнулся ей в макушку. Она чувствовала, что он улыбнулся.

– А сильно любишь, Вань?

– Очень-преочень. – Он снова улыбнулся.

– Я тоже люблю тебя. Так люблю, что... – Из глаз снова закапали слезы. – Просто не могу даже говорить об этом! Даже щемит все внутри!

– Да? А где конкретно щемит? – Он чуть от нее отодвинулся, посмотрел, по-кошачьи прищурившись. – А? Где? Покажи.

Лариса приложила руку к левой груди.

– Тут? – Его рука накрыла ее руку. – Ух ты, как стучит. А можно поближе послушать? А потрогать можно? Ух, ты... Лариска, какая же ты...

На работу муж выехал лишь через полчаса. Принявшись ее утешать, он так увлекся, что забыл о времени. А она о своей простуде.

Они любили друг друга как ненормальные, путаясь в его рубашке и в ее халате и ночной сорочке. Бормотали что-то, жаловались на неуклюжесть, хихикали, как дети. Потом долго не могли отдышаться и снова смеялись так, будто одержали над кем-то долгожданную неожиданную победу. Доели все же завтрак, что Ваня принес в спальню. И даже остывший кофе показался славным. Потом он быстро собрался, велел ей не хандрить, приказал ждать к ужину чуть позже обычного, потому что ни черта теперь не успеет из-за неурочного баловства. Так и сказал – баловства! И уехал.

А Лариса вошла в ванну с компрессом на лице. Провалилась полчаса, нашла свое отражение в зеркале вполне сносным. Выпила лекарство, закапала в нос. Чуть подретуширо-

вала щеки тональным кремом, пудрой, подвела припухшие веки, подкрасила губы. Стало еще лучше. Надела джинсы, толстой вязки белый свитер, подхватила свою любимую сумку, в которую запросто вмещалось два пакета молока и батон, и пошла на улицу.

А машины и нет! Ее машины – маленькой любимой малолитражки нежно-лилового цвета с неосторожной царапиной на заднем левом крыле на стоянке не оказалось!

– Вань, а где машина? – тут же позвонила она мужу. – Я на стоянке, а ее нет! Угнали, что ли?!

– Черт, Лара! Так я ее забрал, – отозвался муж с явным раздражением. – Я же вчера свою возле офиса оставил, чуть коньяка принял и оставил. Приехал на такси. Я же говорил.

– Говорил, помню. И?

Она не помнила. Ввалилась домой с дикой головной болью, плохо соображая, как добралась до дома. Где уж тут помнить о его рюмке коньяка, пропущенной им в конце рабочего дня.

– И думал, ты сегодня дома останешься. Вот и уехал на твоей, такси не вызвал. А ты что же, лапуля, сорвалась все же?

– Сорвалась, – призналась она и тут же подняла руку вверх, тормозя выезжавшее со двора такси. – Дел невпроворот, Вань.

– А у тебя всегда дела, Лара! – вдруг взорвался муж. – Даже помирать станешь, о делах не забудешь! Господи, ну

неужели один день ты не могла дома остаться? Один хотя бы день, сегодня!

И неожиданно разъединился. У Ларисы обиженно задрожали губы. Чего он, а? Ей и так нехорошо. И не потому что простыла, а потому что тоска жует внутри уже неделю. Она, может, и из дома удрала, чтобы думать поменьше обо всякой ерунде. А он...

– Вам куда, дамочка? – Немолодой таксист, заросший седой щетиной по самые глаза, смотрел недобро. – Едете, нет? У меня график!

– Еду. – Лариса села на заднее сиденье, назвала адрес.

– В ментовку, что ли? – Взгляд, который она поймала в зеркале заднего вида, показался ей отвратительным.

– Нет, в магазин, – соврала она. – Там бутик верхней одежды. Мне туда.

Зачем объясняет? С какой стати? Какое дело вообще этому небритому угрюмому человеку, куда и зачем она едет? Решил своим недобрым взглядом окончательно испортить ей день? Так ее не проймешь этим. Она и не на такие взгляды напарывалась за годы службы. А последнее дело вообще жуть, как сказал ее помощник Вадик Харламов.

– Лариса Иванна, это вообще жуть! Если доведем дело до суда и нам позволят его не развалить и не отберут его у нас, то это бомба! Это жуть!

Отбирать дело банды, не успокоившейся с девяностых, у них никто не собирался. И разваливать его тоже никто не

приказывал, но...

Но вот звонки им с Вадиком странные начали поступать. Будто и не угрожали, нет. Просто звонили, задавали нелепые вопросы, глупо хихикали в трубку. И все!

Звонили каждый раз разные люди. Мужчины, женщины, подростки. Звонили на их рабочий телефон. Продолжительность звонков оказывалась как раз такая, чтобы невозможно было отследить звонок.

– Лариса Ивановна, может, охрану вам приставить? – озаботилось неделю назад начальство.

– Зачем? – делано удивилась она. – Разве мне угрожают?

– Нет, но... – Начальство понадувало губы, а потом обескураженно развело руками: – Да и людей-то, честно говоря, нет...

Вот вам и программа защиты свидетелей, о которой дядя мечтал. И уж если быть честной до конца, то не верила Лариса в вездесущую силу приставленных к кому бы то ни было охранников. Верила в то, что не столь она важная персона, чтобы ее желали физически устранить на момент следствия. Существует масса других рычагов и способов. И всех следователей не перестреляешь. А что касается звонков, то это просто чьи-то злобные забавы.

– А я вас знаю, – сказал водитель такси, не поворачиваясь и принимая у Ларисы деньги, просто выбросив ладонь ковшом. – Вы следователь. И в бутик вам ни в какой не надо. И еще я знаю, что вы плохой следователь.

– Да? – совершенно искренне удивилась она, это утверждение шло в разрез с ее репутацией. – Почему это?

– С вами невозможно договориться, – пожал он плечами.

– А с хорошим можно? – Она усмехнулась, вылезая из машины.

– С хорошим можно, – кивнул водитель. И криво ухмыльнулся в ее сторону. – Они и живут подольше...

Глава 2

Вовкины руки тряслись от азарта и запоздалого страха. В кошельке, в том самом, который казался на вид и на ощупь тощим и нищенским, оказалось пятьсот евро! Целых пятьсот евро! Это по курсу...

Сколько же это, сколько? Вовкин конопатый лоб покрылся глубокими морщинами. Под ним, под этим лбом, напряженно работал калькулятор. Сосчитать в уме не удалось. Но все равно он знал, что это хорошие деньги, очень хорошие. Потому что его мать зарабатывает триста долларов, она говорила. А это больше десяти тысяч рублей. А тут евро! И целых пятьсот! Это гораздо больше десятки!

Вовка судорожно сглотнул, нежно погладил разложенные на письменном столе заграничные денежные знаки. Ему сегодня фартило! Сегодня был его день!

С самого утра началось везение, между прочим.

Сначала мать с виноватой улыбкой сообщила за завтраком, что они с отцом впервые за долгую жизнь решились слетать на отдых в Египет.

– Ты не против, Вов? – очень тихо поинтересовалась мать, тиская ладонь отца под столом.

Вовка точно знал, что она тискает отцову руку под столом. Она всегда так делала, когда волновалась и когда нужно было заставить его замолчать. В этот раз не сработало, потому

что отец тут же воинственно вскинул острый подбородок и спросил с вызовом:

– А чего это ему быть против? Мы за его счет, что ли, летим, мать? Мы за свой счет летим, между прочим, мать!

Вот тут Вовка запросто мог бы поспорить, поскольку основную часть семейного бюджета составляли деньги деда с бабушкой, которые они ежемесячно перечисляли на Вовкино содержание из какого-то ближнего зарубежья. Потому мать и виноватилась. Знала, что Вовка может при случае бабке с дедом настучать, и канал помощи перекроется запросто.

– Вова, чего молчишь? – Мать смотрела как побитая собака, продолжая дергать отца за руку.

– А чего я скажу? – отозвался Вовка. – Мне-то что! Вот если бабушка позвонит, правда, не знаю, что говорить стану.

Мать с отцом стремительно переглянулись и сцепили теперь уже обе руки и уже на столе.

– Ты это, сынок, чего сказать, что ли, не знаешь? – Отец заискивающе улыбнулся, бабушка, снабжавшая их деньгами, была его тещей. – Скажи, что дома нет. На работе в ночную смену. Или в больницу слегли с отравлением. Так пойдет?

– Подумаю, – дернул Вовка плечами, уже придумав цену выкупа. – Только... Только что я буду иметь взамен?

– А что ты хочешь?! – в один голос воскликнули родители.

– Сколько будет длиться ваш отдых? – деловито осведомилось чадо.

– Десять дней, – ответила за обоих мать.

– Десять дней! – присвистнул Вовка. – Нехило стоят пуговочки, думаю!

– Что ты хочешь? – насупился отец, желание отцепиться от руки жены и врезать сыну по макушке было просто невыносимым.

– Все это время я не стану ходить в школу, – тоном, не терпящим возражений, оповестил родителей Вовка. Но на всякий случай добавил: – Или так, или никак.

Он доел свой омлет, дохрустел пересушенным тостом. Выпил стакан жидкого чая и пошел чистить зубы. Но прекрасно слышал, как хлюпала носом мать в кухне, жалуясь отцу на жестокость собственного сына. Слышал, как скрипел зубами отец, порываясь наказать засранца. Через пять минут все стихло. И когда Вовка вошел в кухню, родительское соизволение прогулять десять дней школу в первой четверти, едва начавшейся, к слову, было им получено. Потом они сообщили, что улетают уже сегодня после обеда. И он мог бы еще сегодня в школу сходить...

– Не могу! – улыбнулся он гадко. – Договор, родичи, дороже денег!

И Вовка с чистой совестью, если, конечно, это была совесть, а не махровый эгоизм, помноженный на наглость, пошел в свою комнату досыпать. Родительские сборы он проспал. Промычал недовольно и отмахнулся, когда мать попыталась поцеловать его на прощание. Послушал сквозь дрему звук закрываемой входной двери, показавшейся ему самым

благословенным звуком на теперешний момент. Тут же вскочил. Проследил с балкона, как усаживаются родичи в такси с нелепыми дорожными сумками. И через полчаса пошел гулять любимым маршрутом: двор – тропинка между гаражами, поросшая кустарником – пустырь – назад тропинкой – двор. Почему он любил гулять именно здесь? Да потому что место было глухое и опасное. Очень глухое и очень опасное! Там даже днем приличные люди остерегались ходить, что говорить про ночь! Там собирался всякий сброд с криминальными наклонностями. И за ними любил наблюдать Вовка. И подбирать все, что оставалось от их сомнительных мероприятий. Сигареты, водка и пиво на дне бутылок. Оброненная мелочь, скомканные десятирублевки. Если очень везло, то случались денежки и крупнее.

Но то, как повезло ему сегодня, не могло даже присниться никогда!

В общем, он решил погулять. Надел старые темные джинсы, темно-зеленую ветровку. Было тепло, но он все равно ее надел. Как считал, для конспирации. Она сливалась по цвету с умирающей листвой кустарников, и если Вовке приходилось прятаться, то заметить его было сложно. Вышел во двор. Тут же нарвался на бабу Нюру – противную, любопытную, рыхлую старуху, не вылезающую со двора со своей блохастой собакой. Баба Нюра то сидела на скамейке возле подъезда, то прогуливалась по двору, как постовой, держа на поводке свою дурацкую собаку, которую прогони – не убежит.

– Вовка, чего не в школе? – прицепилась противная бабка тут же, ее мясистое, вечно блестящее лицо, напоминающее Вовке сальную сковороду, повернулось в его сторону.

– Время сколько? – зло ощерил он зубы. – Давно уроки закончились!

– Опять шляться по гаражам собрался? – Она дернула за поводок собаку, вознамерившуюся свернуть к подъезду. – Чего ты там все шляешься и шляешься! Вот жопу-то отшибут когда-нибудь тебе там, будешь знать!

– Не каркай, бабка! – процедил Вовка сквозь зубы, как ему показалось, очень тихо.

Но старая карга все равно услышала и разоралась ему вслед, что и хам-то он, и скот, и что по таким тюрьма плачет. Настроение было бы вконец испорчено, не наткнись он уже за гаражами на свою находку. Он вообще-то в то место редко заходил. Все больше по нужде. Сегодняшний день не стал исключением. Сегодня ему тоже приспичило. И как оказалось, не ему одному. Он едва не вляпался, блин! Шагнул на метр левее и... И увидел тощий черный бумажник. Присмотрелся и понял, что его выронил тот несчастный, которому приспичило раньше него самого.

– Лох... – хмыкнул Вовка, двумя пальцами поднимая находку и внимательно рассматривая ее. – Вот лох...

Бумажник был тощим, скорее всего пустым. Он не стал его рассматривать там же. Надо было сваливать. Если засекут взрослые, отнимут. А то и сам хозяин объявится. Тогда

все, тогда придется отдать.

Он вернулся домой, заперся, разделся неторопливо, для чего-то вымыл руки, и уже только тогда начал проверять содержимое. И едва не выронил пять сотенных заграничных бумажек.

– Господи... – ахнул Вовка и тут же запоздало перепугался.

А вдруг его кто видел?! Вдруг хозяин этого состояния вернется на то место и станет искать, и ему скажут, что шастал тут парень в темно-зеленой ветровке, с него и спрос?

– Господи... – ахнул вторично Вовка и надолго задумался.

Нет, решил он через полчаса напряженных размышлений и подсчетов, ничего никто не докажет. Он ничего не находил, и точка! А если этот лох, обделавшийся в кустах за гаражами, к нему явится, он его просто-напросто пошлет.

Вовка еще раз обшарил весь бумажник, заглянул во все потайные кармашки и складки, расстегнул молнию. Нашел две бумажки. На одной был нацарапан адрес. На второй какие-то цифры. Длинный ряд бесполезных цифр. Вовка насчитал двадцать штук. Это точно был не номер телефона. Он сложил бумажку и снова засунул ее в кармашек на молнии. Уставился на бумажку с адресом. Улица была указана та самая, на которой он жил. Номер дома тоже. А вот номер квартиры не его подъезда. Он в который раз наморщил конопатый лоб и попытался включить мысленный калькулятор.

Надо же, получилось почти с первого раза! Это был со-

седний подъезд. Тот, что слева от их подъезда. Третий этаж. У него и это получилось подсчитать. Не получилось вспомнить, кто там живет.

— А и черт с ним! — фыркнул Вовка, убирая и эту бумажку под молнию. — Главное, что деньги теперь мои...

Остаток дня он провел в мечтаниях, куда потратит деньги. Вариантов было много, но все как-то не годились. И честно — жаль было потрошить такую сумму. Вовка три раза поел, счел, что мать ему на десять дней оставила и денег мало и жратвы, пожелал им такого же голодного нищенского отдыха, который ему предстоял без них. Спрятал деньги в тайник, оборудованный им самим же в его шкафу. И вышел на балкон покурить.

На балконе у него тоже был оборудован тайник, о котором никто не знал. В шкафу, заваленном всяким родительским хламом, с которым тем жаль было расставаться, задняя стенка на одной из полок сдвигалась в сторону, под ней была крохотная ниша, в которую Вовка и прятал сигареты, подобранные на его любимой тропе. Последние дни покурить не удавалось, отец следил за ним. Вовка на балкон, и отец следом. Так что скопилось много. Почти целая пачка! Теперь ему никто не помешает, никто. Он может курить хоть каждый час. Надо только делать это осторожно, чтобы огонек его сигареты никто не засек с улицы. Особенно эта сумасшедшая глазастая бабка Нюра. Если та увидит, труба дело. Тут же родичам вложит.

Вовка приоткрыл балконную дверь, она противно скрипнула, выглянул на улицу. За рядом молодых лип и густым увядающим кустарником, что росли под балконом, видно было плохо, но вроде никого во дворе. Оно и понятно, заметно холодало. Он поежился и решил, что надо бы надеть теплый свитер, в футболке он задубеет, пока выкурит сигарету. Он повернулся, чтобы уйти, и тут...

И тут заметил ЕЕ!

– Вот это да! – невольно вырвалось у Вовки, и он добавил со странной завистливой ноткой: – Вот это телка!

Молодая женщина только что отпустила такси и стояла на тротуаре перед их домом. А точнее – между Вовкиным подъездом и соседним. Тем, что слева. Она была среднего роста, длинноволосая, и Вовка даже с третьего этажа рассмотрел, какая она красивая. Женщина была в узких джинсах, белоснежном свитере, на плече сумка. Кажется, она кого-то искала. Она точно сверялась с бумажкой, которую держала в руке.

А вдруг это новый завуч?! Болтали, что у них в школе произойдет смена руководства. Может, сегодня и произошла? И эта красотка явилась сюда по его душу? И сейчас придет и начнет приставать с вопросами, чего это он в школу не пришел? И почему завтра не собирается?

Он резко присел, и просидел на корточках минут десять, даже ноги затекли. Но никто не позвонил в его дверь. Ни через десять минут, ни через полчаса, ни через два часа, когда

он уже и чая успел попить горячего, чтобы согреться. И телек посмотрел. Вовка свитер теплый надел. Он ведь так и не успел покурить. Красотка его спугнула.

Потом напялил поверх свитера еще и куртку. Принес на балкон кроссовки. В тапках ноги мерзли отчаянно. Выключил свет в квартире, вечер наступил стремительно, вышел на балкон и свесил голову вниз.

Никого? Вроде никого. Он открыл построенный отцом шкаф. Отодвинул заднюю стенку на одной из полок, нашарил пачку, вытащил и положил ее на маленький столик, за которым мать с отцом частенько пили чай летними вечерами. Теперь они в отъезде, и десять дней, целых десять дней, Вовка может не таиться и не прятать сигареты. И даже пепельницу может не убирать, под которую он приспособил банку из-под маслин.

Вовка щелкнул зажигалкой, пряча пламя под рукой. Поднес огонь к кончику сигареты, и тут...

Станный звук почудился ему. Очень странный. Будто кто-то вскрикнул, а потом словно что-то упало. Показалось? Или нет?

Он потушил пламя зажигалки, вытащил сигарету изо рта, осторожно оттянул створку балконной рамы и высунулся наружу. На улице сильно стемнело, но зажглись фонари, и видимость была бы превосходной, если бы не зловещие тени, тут же расползшиеся по двору, их Вовка боялся с детства. Этими тенями всегда была полна его комната, когда мать вы-

ключала свет на ночь, хотя он и просил оставить. Эти тени всегда подстерегали его в подъезде, если ему случалось поздно возвращаться домой. Темная колышущаяся масса всегда таила в себе опасность. Всегда.

Сегодняшний вечер не стал исключением. Сегодняшним вечером эта зловещая колышущаяся масса поселилась прямо под его балконом. И она даже наполнилась звуками. Ведь оттуда слышен был вскрик, так? Там ведь что-то упало или нет? И ему спустя какое-то время даже удалось что-то рассмотреть. Что-то страшное! Или ему показалось?

Вовка зажмурился, замотал белобрысой головой, снова распахнул глаза.

Нет, не показалось. Точно! Под его балконом ползли женские ноги. Длинные, стройные, обтянутые узкими джинсами, обутые в кроссовки женские ноги. И он даже знал, кому они принадлежат! Он видел их несколько часов назад, стоящими на тротуаре между его подъездом и соседним, тем, что слева. Эти ноги принадлежали красивой молодой женщине, которую он принял за завуча. Она так и не пришла к нему, хотя он сильно боялся. Она куда-то подевалась, а теперь почему-то ползла в кустах под его балконом. Только она как-то очень странно ползла. Как-то неправильно. Не пятками вверх, как их заставлял физрук ползать на уроках. А пятками вниз ползли красивые стройные ноги красивой молодой женщины. И ползли в самые заросли колючего кустарника, за неделю покрывшегося ржавой листвой.

Она не сама ползет! Ее кто-то туда тащит! Кто-то ее там хочет спрятать!

То, что пришло Вовке в голову за те три минуты, что он наблюдал тайком с балкона, показалось ему настолько диким и чудовищным, настолько неправдоподобным, что он даже испугаться не смог по-настоящему. Все, что он сделал, это осторожно вернулся в квартиру. Не зажигая света, снял в прихожей куртку, оставил возле двери кроссовки. И в свитере и штанах завалился в кровать. Сон долго не шел. Вовка ворочался. Он снова вышел на балкон, прямо босиком, прислушался. Ему показалось, что в кустах что-то шуршит. Даже почудилось, что взвизгивает, расстегиваясь, молния. Пару раз он намеревался спуститься с третьего этажа на улицу, влезть в кусты и посмотреть: не пригрезились ли ему неправильно ползущие по опадающей листве ноги. Но он тут же отогнал от себя эту мысль.

Еще чего?! А вдруг эта тетка напилась и просто спряталась там от людского позора? Или с кем-то там забавляется в кустах? А чего? Что-то расстегивалось, он сам слышал. Может, штаны? Прикатила к любовнику и...

На этих спасительных мыслях Вовку вырубило. Проснулся он странно рано, как в школу. Принял душ, потому что дико вспотел в свитере и штанах да еще и под одеялом. Позавтракал вчерашними макаронами и сосисками, выпил горячего чая, оделся, взял школьную сумку. Он решил, что пойдет сегодня в школу, чтобы глупости всякие в голову не лезли.

Вышел из подъезда и осторожно пошел по тротуару вдоль колючих зарослей.

Господи! Она все еще была там! Он рассмотрел! Он точно рассмотрел что-то белое среди ржавой листвы! Это ее свитер! И джинсы! Он рассмотрел неестественно вывернутую ногу в кустах. Заметить было очень сложно, если не знать. Но он-то знал! Единственный знал!

Что делать?! Что?

Звонить с мобильного в полицию?! Определят сразу номер, потом пристанут, еще обыск в квартире учинят, найдут тайник с бумажником и сигаретами. А он их даже не спрятал после вчерашнего, идиот! Нет, с мобильного нельзя! Таксофон, вот выход!

Он нырнул в первую подвернувшуюся на пути к школе кабину. Набрал номер.

– Дежурная часть, сержант... – дальше последовала скороговорка, которую не разобрал бы никто на свете.

– Женщина в кустах, – тяжело дыша, пробормотал Вовка, предварительно прикрыв трубку воротником куртки.

– Что?! Говорите внятно! Вас плохо слышно! Что? Повторите! – начал надрываться сержант.

– Молодая женщина в кустах! По адресу... – Вовка громко, четко назвал адрес.

– Записал, – удовлетворенно пробубнил сержант. – Что она там делает, в кустах? Пьяная, что ли?

– Нет... Вряд ли... Не знаю... Она там с вечера. Ползла...

Неправильно...

Вовка зажмурился. Он только теперь понял, что женщина скорее всего умерла. Что она не стала бы так ползти, будь она жива. Не стала бы оставаться на холодной земле всю ночь, не сделав попытки выбраться. Она умерла! Молодая, красивая, с длинными светлыми волосами, в белоснежном свитере, который невероятно ее украшал.

– Что значит, неправильно?! – насторожился сержант дежурной части.

– Ее кто-то тащил в кусты, кажется...

– Что значит, кажется?!

– Она до сих пор там, в кустах, в белом свитере. – У него сильно запершило в горле и сделалось больно глазам, как если бы пыль в них попала. – Красивая... Она умерла, кажется...

– Слышь, пацан, ты чего несешь?! – заорал вдруг на него сержант. – Как умерла?!

И Вовка, перепугавшись, что воротник куртки не помог ему, что его разгадали, распознали по голосу его возраст, бросил трубку...

Глава 3

Вадик Харламов смотрел на стол своей начальницы и ни черта не понимал. Он просто глазам своим не верил!

Она вчера сорвалась с работы по звонку на адрес ценного свидетеля. Об этом позвонила уже из такси и сообщила. Потом собиралась вернуться обратно на работу. Собиралась встретиться с ним – с Вадиком Харламовым, все обсудить. Он не смог вчера вернуться на работу. Звонил ей вечером несколько раз, телефон оказался отключенным. Она оставила недопитым чай, разложенными важные бумаги на столе, ключи от сейфа в сейфе и...

И сегодня все то же самое! Тот же недопитый чай, те же бумаги, незапертый сейф. Что за фигня?! Что это с Ларисой Ивановной?! Она же его за авторучку, оставленную не на месте, гнобила. Пусть шутливо, но гнобила же. А тут незапертый сейф! Может, она где-то здесь?

Харламов набрал проходную, спросил.

– Нет, не возвращалась вчера, – проверил по журналу охранник. – Не приходила сегодня.

Что за фигня!

Харламов снова позвонил ей. Снова вне зоны. Домашний телефон не ответил. Он убрал на ее столе, запер сейф, положил ключи в ее верхний ящик. Сходил в туалет. Помыл чашку. Суетился, одним словом. Чтобы не думать, чтобы не

тревожиться. Лариса Ивановна просто вчера долго пробыла на адресе, а ведь приболела. Видимо, стало совсем худо и она сразу поехала домой. А сегодня не поднялась. Окончательно свалилась с температурой. Телефон отключила, чтобы не доставали.

Версия Харламову не очень понравилась. Но хоть что-то! Он вернулся на рабочее место. Вскипятит чайник. Выпил подряд две чашки с вчерашними булками из буфета и попытался поработать. Хватило на час. Потом он позвонил. Ивану Сергеевичу Усову. Потому что считал, что это как раз тот самый критический случай. Именно в таком случае позволяла ему звонить Лариса Ивановна.

– Ты станешь беспокоить моего мужа, если это только вопрос жизни и смерти, – наставляла его она. – Только тогда, Вадик! Во всех остальных случаях Ивана не беспокой! У него своих проблем горы!..

Харламов набрал мобильник Усова, тот не ответил. Через пару минут пришло сообщение, что он на совещании. Вадик немного успокоился. Если Усов способен проводить совещание, значит, дома у него все в порядке. Значит, Лариса Ивановна, в самом деле, разболевшись, отключила телефон и отлеживается.

Хватило его спокойствия еще на час.

Ну не похоже это на нее! Непохоже, черт побери! Чтобы она с адреса прямиком отправилась домой, отключила все телефоны и целые сутки не выходила на связь...

Это не про нее! Не про его начальницу! Чего Усов-то молчит, черт бы его побрал?!

Вадик порывлся в записной книжке, нашел номер важного свидетеля. Того самого, к кому вчера сорвалась Лариса Ивановна. Набрал. Тот ответил почти сразу.

– Аллё... – очень осторожно, почти шепотом ответил чертов важный свидетель, пугающийся собственной тени с того самого момента, как решил сотрудничать со следствием. – Вадим Андреевич, это вы?

– Я, я! Что это вы, Сергей Ильич, шепчете?

– Просто я... Просто я сейчас в публичном месте, не могу громко говорить, – виноватым голосом объяснил Устинов.

– В каком таком публичном месте? В библиотеке, что ли?

– Почему в библиотеке? Я на вокзале в Питере.

– Что-о? Как в Питере? И как давно вы там?

– С полчаса.

– А уехали когда?

– Вчера.

– Вчера когда? – заорал не своим голосом Харламов на бестолочь такую.

– С утра уже выехал из дома. А... А почему вы кричите? – обиделся Устинов Сергей Ильич.

– А почему вы уехали?! Вас же просили не покидать города, пока идет следствие! – Внутри заныло все от страха, съежилось.

– У меня сестра заболела, пришлось срочно выехать. Я на

пару дней, не больше.

– Вы же вчера с Ларисой Ивановной условились о встрече! Так какого черта?..

– С Ларисой Ивановной? Когда условился? Не было такого, – залопотал Устинов.

– Вы позвонили... – начал было говорить Харламов, и тут же замолчал, все сразу поняв.

– Я не звонил! – активно опротестовал свидетель.

Не было звонка никакого, так утверждает важный свидетель. И встречаться с ней у себя дома он не собирался, если с утра уже умчался на вокзал, чтобы уехать в Питер к своей больной сестре. Кто же тогда ей позвонил?! Кто вызвал на адрес?! На какой адрес?! И куда она подевалась потом?!

– Я не звонил, Вадим Андреевич, – виновато обронил Устинов снова. – Мы же договорились с вами. Вы будете сами звонить. Разве не так?

– Так.

– Ну вот. Я и... Я и не позвонил, что к сестрице поехал. Пару дней всего, и я вернусь, – пообещал важный свидетель, который до сих пор так и не предоставил следствию записи, якобы сделанные им на камеру мобильного телефона.

– Возвращайтесь, – буркнул Харламов и отключился.

Что делать?! Бежать с докладом к начальству? А вдруг Лариса Ивановна отлеживается с температурой, в самом деле?

Он снова набрал номер Ивана Усова. И снова тот ответил сообщением, что на совещании. Харламов решил, что пра-

вильнее будет съездить к Ларисе Ивановне домой. Дверной звонок она не отключит. И в дом не сможет его не впустить. Он постарается быть настойчивым. Харламов вставлял ключ в замок своего кабинета, когда зазвонил внутренний телефон.

– Да! – заорал он в трубку, одним прыжком преодолев расстояние от двери до своего стола.

– Не кричи, Харламов, – странным голосом попросил его генерал. – Зайди. Срочно.

Вадик был у него уже через пару минут.

– Вызывали, товарищ генерал?

Харламов нервно облизнул сухие губы, умоляя бога не позволять генералу говорить страшные слова! Не позволять свершиться страшной беде, что читалась в глазах высокого начальства.

– Ларисы нет? – спросил генерал, зачем-то кивнул и сам себе ответил: – Ларисы нет...

– Так точно. Она вчера приболела и...

– Замолчи, – не приказал, попросил тот. Схватил со стола лист бумаги, протянул его Харламову. – Съезди в Советский райотдел. Сводка пришла. Был выезд по анонимному звонку. Найден труп неопознанный женщины...

– Нет! – перебил его Харламов, как в дурном сериале с истеричным надрывом.

Генерал глянул на него исподлобья, замечания не сделал, лишь продолжил говорить:

– Документов и телефона при ней не обнаружено. Была одета в джинсы, белый свитер. Длинные светлые волосы...

– А я тут причем?! – заикаясь через слово, спросил Харламов, вся субординация летела ко всем чертям.

– Один из сотрудников предположительно узнал в ней... Ларису, – еле выговорил генерал. – Съезди, посмотри, капитан.

– В райотделе? – задал идиотский вопрос Харламов, все еще на что-то надеясь. На ошибку там. На нелепость чудовищную. Даже на шутку, пусть.

– В морг съезди, капитан! – повысил голос генерал и кивком указал на дверь. – Живо, капитан! Тут же доложить. Мужу... Мужу пока не звони. Надо убедиться.

Он на совещании, захотелось заорать в полный голос Харламову. Зло заорать, с сарказмом. Но даже если бы и попытался, не вышло бы. Он не мог орать, говорить, и через час, оказавшись в морге Советского района, не мог дышать.

– Да, это Лариса Ивановна Усова, – кивнул он, отвернувшись от мертвого тела, накрытого белой простыней по ключицы, и вышел.

Доктор пошел за ним следом. Протянул зачем-то ватку с нашатырем.

– Нюхни, легче будет, – посоветовал.

Харламов не стал. Осторожными шагами, старательно держась середины узкого коридора, чтобы не задеть страшные стены локтями, он вышел на улицу. Серую, мокрую, хо-

лодную.

Доктор тоже вышел. Встал рядом, закурил.

– Как она умерла? – спросил Вадик, не заметив на голове и лице покойной начальницы никаких следов и повреждений.

– Смертельное ранение в грудь.

– Выстрел?

– Нет. Нож или что-то наподобие. Точнее после вскрытия скажу.

Доктор посылал в его сторону клубы сигаретного дыма, и Харламов, не терпевший курильщиков, неожиданно был ему за это благодарен. Едкий запах избавлял от запаха смерти, забившего ноздри.

– Сколько ранений?

– Одно. Точно, профессионально. Прямо в сердце.

– Удар был нанесен... – Голос сел, Харламов отвернулся, подставив лицо мерзкой ледяной влаге.

– Со спины. Под лопатку. Точно в сердце. Работал профи, – грустно усмехнулся доктор. Швырнул окурок, привычно попав прямо в урну. – Все остальное после вскрытия. Бывай, капитан...

Харламов вернулся в машину, завел мотор, включил дворники. Те суматошно заскользили по стеклу, разгоняя паутину дождя. Надо было звонить генералу, тот ждал его звонка. А он не мог. Пропал голос. Надо было сообщать Ивану о том, что его жену убили. А он не мог. Душила злоба.

Как?! Как можно быть спокойным, если твоя жена не но-

чевала дома?! Где ты был в это время?! Что делал?! Почему не звонил ей?! Почему не обеспокоился ее отключенному телефону?!

– Товарищ генерал, это Лариса Ивановна, – еле выдавил Харламов, набрав его номер через двадцать минут.

Генерал сдержанно промолчал. Потом со вздохом спросил:

– Как это произошло?

– Профессиональный удар в сердце, предположительно ножом, короче, острым предметом. Смерть наступила более десяти часов назад. Точнее...

– Понял я! – вдруг взорвался генерал. – Что?! Вот скажи мне, Харламов, что она там делала?! Что она делала по этому адресу?! Как очутилась в этих чертовых кустах?

– По этому адресу живет наш свидетель. – Вадик вкратце пояснил по какому делу. – Он будто бы вызвал ее вчера звонком.

– Будто бы? – взревел генерал. – Что значит будто бы?

– Свидетель утверждает обратное. Он вчера выехал в Питер. Из дома выехал еще до обеда. А Лариса Ивановна получила звонок уже после двух часов дня.

– Почему? Почему, скажи мне, Харламов, ты не отправился вместе с ней?! Почему?! Что она делала там одна?! В общем, полный отчет мне на стол! Полный! Да, и... Сообщи мужу...

Глава 4

– Знаешь, кто ты? Знаешь?

Иван брызгал слюной в бледное лицо Ларискиного помощника и орал так, что ему заложило уши. Или это у него от внезапного скачка давления уши заложило? Или от невозможности осознания страшной беды? Как бы то ни было, но в ушах точно стоял тонкий противный звон, перекрывший все звуки. Иван даже себя, кажется, почти не слышал.

– Ты вестник горя, страшного горя! – орал он снова и снова, совершая вокруг застывшего столбом Харламова странные почти ритуальные прыжки. – Ты вот скажи, зачем ты пришел?! Зачем?! Чтобы сказать мне, что моя Лара мертва? Ха-ха-ха! Что за вздор?! Ты несешь такую ересь, что... Что в нее поверить невозможно!

– Придется, Иван Сергеевич, – тихо, но твердо ответил бледный Харламов.

– Что придется?! Что?! – Усов потряс перед его носом крепко сжатыми крупными кулаками.

– Лариса Ивановна мертва. Ее убили ударом в сердце вчера в промежутке между шестью и девятью вечера. У дома нашего свидетеля, – монотонно, будто зачитывал с листа, проговорил Харламов. – Ее труп... Тело было обнаружено сегодня.

– Как оно было обнаружено? – хрипло спросил Иван, и

вдруг, схватившись за сердце, начал заваливаться на спину.

Харламов еле успел его подхватить. С трудом дотащил до миниатюрного диванчика, спрятавшегося за дверью у входа, усадил, ослабил петлю галстука, расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Вызвать врача? – спросил Вадик, всматриваясь в бледное до синевы лицо Усова.

Честно? Ему не было его жаль. Он его почти ненавидел! За то, что этот сытый здоровый мужик целые сутки не хватился своей жены. За то, что он жив, пусть и не совсем здоров, а Ларисы Ивановны нет.

– Нет... Таблетки... В верхнем ящике, дай...

Сунув под язык сразу две таблетки и запросив воды, Усов минут пять приходил в себя. Потом согнулся пополам, спрятав лицо в больших ладонях, и зарыдал.

Харламов отошел к окну, уставился на серое ненастье. Нашел взглядом машину Усова на стоянке и рядом, что странно, машину Ларисы Ивановны.

– Почему? – Он ткнул пальцем в стекло.

– Что? – Усов глянул на него красными от слез несчастными глазами.

– Почему машина Ларисы Ивановны здесь?

– Я вчера утром на ней уехал из дома.

– А ваша где была?

– Тут, на стоянке. Я накануне выпил, добирался на такси. Вчера утром взял ее машину, решив, что она будет лежать

дома, болеть. А она... Она решила уехать на работу. Позвонила мне со двора. – Всхлипнув, Усов ненадолго замолчал. – Потом взяла такси и уехала на работу. А я... Я вчера даже домой не пришел ночевать. И ей позвонить не мог!

– Почему?! – вытаращился на него Харламов.

Этот вопрос не давал ему покоя с самого утра. С тех самых пор, как он обнаружил разбросанными бумаги на столе Ларисы Ивановны и ее открытый сейф.

– Потому что до обеда мне срочно нужно было вылететь в одно из наших отделений.

– И вы вылетели? В котором часу?

– Одиннадцать десять. Или около того. – Усов поднял крупную голову, глянул на него с отвращением. – Что, Харламов, начинается, да?!

– Что начинается?

Вадик отвернулся, уставился снова в окно. Выдержать подернутый непереносимой мукой взгляд Усова было невозможно.

– Теперь вы станете подозревать всех подряд. Включая меня?! Станете задавать мне мерзкие вопросы?! Где я был, с кем спал, что ел?! Так, Харламов?

– Таков порядок, Иван Сергеевич, – дернул плечами Вадик. Ее машина на стоянке не давала ему покоя. – Задаем вопросы всем. Включая близких.

Особенно близких, хотелось ему добавить. Потому что у близких людей зачастую бывает множество мотивов.

– Вы вылетели в одиннадцать десять. Приземлились?

– Через полчаса примерно.

Усов низко опустил голову, на брюках, натянувшихся на его массивных коленках, расплылись две темные кляксы. Плачет! Сердце Харламова сжалось.

– Извините, Иван Сергеевич... Извините, – проговорил он виновато. – Но таков порядок. Лучше я сейчас все выясню, чтобы потом вас не беспокоили.

– Да уж! – недоверчиво хмыкнул Усов. – Можно подумать, вы оставите меня в покое! Лара часто говорила мне, что близкое окружение всегда под подозрением. А я... А я был единственным ее близким окружением, Вадик. Так-то...

Покатые плечи мелко задрожали. Он закрыл лицо ладонями. И глухо забубнил:

– Через полчаса сели. Сразу поехали в офис нашего отделения. Я даже забыл телефон включить. Когда включил, тот оказался разряженным. Поставил на зарядку и забыл к черту в офисе. Утром на следующий день мне его к трапу самолета водитель привозил. Понимаете, суетно как-то, быстро, на ходу. Я даже Ларисе не позвонил. Сразу взлетели, телефон снова выключен. Приземлились два часа назад, сразу сюда. Домой заезжать некогда. Позвонил ей пару раз, телефон отключен. Домашний молчит. Думаю, на работе. Телефон выключила, потому что на совещании. Она же всегда так делала. Она же всегда... Так делала...

Усов зарыдал. Харламов корчился у окна от невыносимой

боли, но терпел. Он должен терпеть! Он не имеет права расслабляться! Сейчас многое зависит от его расторопности и силы воли. Если начнет сопливиться и пускать слюни, он никогда не найдет убийцу Ларисы Усовой. Никогда!

Коллеги из Советского отдела, выезжавшие по анонимному звонку на место происшествия, успевшие опросить находившихся дома жильцов, разводили руками.

– Вадим Андреевич, пока ничего...

– Никто ничего не видел. Темнеет рано. Народу на улице к моменту ее гибели не было. В окна никто не выглядывал. Опросили всех собачников. Пусто! Кое-кто видел, как она подходила к дому и вошла в подъезд, где проживает ваш свидетель. Но никто не видел ее выходящей оттуда. Никто. Работаем, Вадим Андреевич...

Ему хотелось орать на них, топтать ногами, брызгать слюной. Плохо, значит, плохо работаете! Не может быть, чтобы в густонаселенном районе никто ничего не видел. Так не бывает! Где она провела почти три с половиной часа?! С кем говорила, если в подъезд вошла предположительно в шестнадцать часов, а смерть ее наступила много позже? Где она провела это время?! С кем говорила Лариса Ивановна?!

– Иван Сергеевич, вам необходимо опознать. – Голос Харламова дрогнул. – Такова процедура. Родственники должны.

– А может, это не она?! – Усов резко поднялся, прижал громадные кулаки к груди, глянул на Вадика с надеждой. – Может, не она?!

– Она. – Вадик не выдержал его надежды, увел взгляд в сторону. – Я был там. Видел. Если хотите, я могу проехать с вами.

– Не хочу! – вдруг крикнул резко и тонко Иван. Ткнул дрожащим пальцем в дверь. – Уходите, Вадим! Не могу... Оставьте меня. Пожалуйста... Все потом! Все формальности потом! Уходите...

– Мне нужны ключи от ее машины. – Вадик настырно не двигался с места.

– Зачем?! – сразу хищно ошетинился Усов. – Станете там шарить, да?!

– Стану, – не соврал он. Вытянул руку: – Ключи, Иван Сергеевич.

В машине было чисто. В том плане, что чисто было во всех отношениях. Не заляпанные осенней грязью коврики. Лишь со стороны водителя несколько пыльных следов от больших ботинок. Усов ехал за рулем. Чистая пепельница. Тщательно отполированная панель. В багажнике ничего, кроме огнетушителя и аптечки. За откидными козырьками ничего. Ни визитки, ни записки, ни единой карточки. Это не показалось Харламову странным. Лариса Усова была до невозможного аккуратной. Его за авторучку, оставленную на столе, ругала. Ну почему же тогда, почему она сорвалась так резко и помчалась домой к их важному свидетелю?! Он утверждает, что не звонил. Что убрался из дома еще до обеда. К кому тогда на встречу она поехала? Она что, не узнала голоса?!

– Надо отследить все ее звонки с мобильного и на мобильный. Так же на городской, домашний и... звонки на мобильный ее мужу. И с мобильного ее мужа, – раздавал указания через час Харламов, негласно назначив себя ответственным за расследование, за ее нелепую смерть.

Генерал ближе к вечеру собрал совещание, долго распространялся на тему, что следствие ни черта не работает как надо. Что давно уже дело банды Гаврика, по паспорту Гаврилова, должно было быть в суде. А они все копаются.

– Вот вам и результат! Затянули?! – Генерал буравил взглядом низко опущенную голову Харламова. – Они и начнут теперь каждый день по следователю убирать. Чего затянули, капитан?! Можешь ответить?

– Товарищ генерал, неожиданно появился важный свидетель. И у него даже имеется запись с камеры мобильного, как люди Гаврилова вытаскивают из машины бизнесмена, избивают. – Харламов назвал имя, бывшее у всех на слуху.

– Свидетель! А вы с ним говорили толком?! – фыркнул генерал.

– Так точно!

– Запись! А кто ее видел? Ты ее видел?

– Никак нет, товарищ генерал, – покаялся Харламов. – Именно за ней отправилась вчера Лариса Ивановна. Она позвонила мне и сказала, что едет на встречу со свидетелем. И что он ей пообещал показать запись. И сообщить еще что-то очень важное.

– Бред какой-то! – шлепнул себя по ляжкам начальник. – Он что, не мог ее тут показать?!

– Не мог. Клялся, что запись в тайнике. Что это единственный гарант его безопасности. И ведь за сведения награда обещана. Вот он и тянул, сколько мог.

– Бред какой-то! – снова возмутился генерал. – Откуда вы вообще его откопали, свидетеля этого?

– Он... Он сам позвонил мне, – признался Харламов. – На рабочий телефон позвонил и сказал, что обладает ценной информацией и что готов предоставить ее в обмен на... деньги.

И вдруг неожиданно срывается в Питер к больной сестре? Гадкая мыслишка, что его – Харламова – просто напросто кто-то очень удачно развел, внезапно так вдарила по темечку, что он едва не застонал. И тут же пошел мусолить эту гадость на все лады.

Как-то уж очень своевременно случился этот звонок от неожиданного свидетеля. Следствие идет уже полгода. И все было тихо. А тут вдруг этот звонок от Устинова Сергея Ильича. Явился потом – тихий такой мужичок, застенчивый, дико переживающий за свою безопасность и за то, что ему не выплатят деньги за видеозапись. Наговорил много. Под протокол говорить отказался. Объяснил тем, что пока еще не решил, станет ли он выступать в суде. И они с Ларисой Ивановной вцепились в него как в соломинку. Почему? Да потому что за полгода их свидетельский ряд поредел настолько,

что дело того и гляди развалится. Кто смертельно заболел, кто погиб в автокатастрофе. Один даже сел за ДТП. Тех, кто остался, матерые адвокаты запросто приперли бы к стенке в суде и заставили бы путаться в показаниях и бледнеть.

Вот Устинов и показался им благословением небес.

– Харламов, это бред! – уже орал в полный голос генерал, раскрасневшись, распотевшись, разгневавшись. – Где он, твой свидетель, сейчас, где?!

– В Питере, товарищ генерал, к сестре больной уехал вчера. Сказал, что на два дня.

– Так давай его сюда немедленно! Из Питера, из Монголии, из Англии, откуда хочешь, доставай и давай его сюда, Харламов!

После совещания Вадик несколько раз пытался связаться с Устиновым, результата ноль. Телефон оказался заблокированным. Он еще пару часов надеялся на то, что у человека в роуминге просто закончились деньги, а пополнить счет просто нет времени. Но когда Валера Незнамов, самый умный и исполнительный айтишник, с которым Вадику когда-либо удавалось сотрудничать, положил ему на стол сведения о телефоне Устинова, его едва не стошнило.

– Ты уверен? – севшим голосом спросил он у Валеры.

– На сто процентов. Телефон зарегистрирован на жителя Узбекистана. Зарегистрирован две недели назад, Вадим. С него никаких более звонков не совершалось. Только звонки вам в кабинет. Один звонок вчера ближе к полудню. Из ва-

шего кабинета звонили на телефон Устинова четыре раза. С мобильного Усовой ему всего три звонка. Все вчера. Один в половине первого, второй в три пятнадцать дня, третий в четыре почти. Ни разу ей не ответили. Потом ей звонили с таксофона нашего города в шестнадцать пятьдесят пять. Разговор длился полминуты.

– Сообщения с номера никуда не отсылались? И, Валера, из Питера? Из Питера никто ему не звонил?

– Нет, Вадим. Все, что есть, распечатано. Никакие сообщения не отсылались и не получались. И никто больше не звонил, кроме вас. Это плохо, Вадик?

– Это? – Харламов поднял на айтишника несчастные глаза. – Это так плохо, Валера, что и представить невозможно. Сейчас его телефон отключен... Он где-то в Питере, этот Устинов Сергей Ильич.

– Как в Питере? – Валера ткнул пальцем в распечатку. – Он в регионе, Вадик. Где-то здесь, рядом. Ни в каком Питере он не был. Про мужика не знаю, а что телефон не выезжал за пределы города, голову даю на отсечение.

– Обалдеть... – ахнул Харламов. – Что получается?!

Получалось, что Устинов вызвал по телефону Ларису Ивановну. Потом, когда она предположительно приехала на адрес, не ответил ей на звонки. Но сегодня он ответил ему – Харламову – и сказал, что находится далеко за пределами родного города. А он никуда не выезжал вместе со своим долбаным телефоном. Он все время находился тут, рядом!

И где конкретно?! И зачем...

Зачем он вызвал ее на адрес? Чтобы заманить и убить?!

– Твою мать... Твою мать... – Вадик обхватил голову руками, уставился в потертое ребро Ларисинового стола. – Это была ловушка, Валера. Ловушка для Ларисы. С самого начала! С первого дня, часа целью было заинтересовать и заманить ее. Но... Но зачем?! Зачем так усложнять?! Слушай...

Валера вытянул шею, подхватывая возвращенную распе-
чатку.

– Пробей, пожалуйста, Устинова Сергея Ильича, пятьдесят два года, проживает... – Он продиктовал Валере адрес. – Выезжал он или нет куда-нибудь? Покупался им билет на поезд, самолет? И это, Валера, если удастся установить, где сейчас его телефон, я твой должник.

– Понял, я пошел.

Валера ушел. Харламов со стуком уронил голову на стол и застонал.

Они попались с Ларисой! Просто бездарно попались в ловко расставленные сети. Вопрос – кем? Кем являлся этот Устинов? Человеком Гаврилова? Скорее всего, это так. Бандиты забросили наживку, заранее зная, что они клюнут. Не могли не клюнуть. Выманили ее и...

Но почему так накрутили? Зачем? Куда проще было подстеречь ее у подъезда. Она часто задерживалась после работы и возвращалась одна на своей машине. У них двор плохо освещен. Работай – не хочу! Так нет же, подослали Устино-

ва, а он нарисовался, не стереть. Он же не был с накладными усами и бакенбардами. Не надевал парика. И документы его проверяли внизу на охране.

– Чушь какая-то! – фыркнул Харламов.

Может, ее убили грабители? Просто Лариса оказалась не в том месте, не в то время и ее убили, ограбив? Телефон пропал, его местонахождение сейчас пробивают, пока тишина. Документы пропали. Деньги. Карточки банковские. Что еще? Группа, выехавшая на происшествие, утверждает, что не было ни украшений, ни часов, ни колец, ни браслетов. А Лариса часы даже на ночь не снимала. Они у нее были дорогими, Усов ей привез из Швейцарии. Она хвасталась. Серьги носила. Выглядели скромно, но стоили немало. Цепочка с крестиком всегда на ней была.

Может, и правда, грабители? Ничего же на ней не оказалось!

Он позвонил Ивану Усову. Тот ответил лишь через полчаса. Глухим, чужим голосом признался, что только что побывал в морге на опознании. И надолго замолчал. Вадику пришлось просить его посмотреть дома, что пропало из украшений. В том смысле, что могла она на себя надеть, когда выходила из дома. Пообещал посмотреть дома в Ларисиной шкапулке, чего там нет.

– Но она всегда носила часы, цепочку с крестиком и какие-нибудь серьги, – сказал Усов.

– Я помню. Ничего этого при ней не обнаружено. Пропали

телефон, кошелек, документы.

– Считаете... Считаете, что Ларису убил какой-то гопник?! – вдруг заорал не своим голосом Устинов. – Что она стала жертвой грабителя?! Случайного грабителя, бьющего наповал профессиональным ударом в сердце?! Не смешите меня, Харламов! Не смешите! И не спешите списать это дело на банальный грабеж...

Он отключился.

Вадим с раздражением крутанул мобильник на столе. Он и не пытался никого рассмешить. И спешить не собирался. Он просто пока отрабатывает версии. А сейчас поедет на адрес, где ее нашли. Хотя представить себе не мог, как взглянет на то место, где нашли сегодня утром Ларису. Кто, сказал дежурный сержант, звонил? Предположительно, подросток? Вот и подростков всех осмотрит в округе. И если понадобится, сядет в засаду утром и станет наблюдать за каждым, чей маршрут пролегал мимо страшного места...

Глава 5

– Тебе что было велено сделать, Коленька?

Тихий голос Рогова Стаса – невысокого крепыша с бритым черепом, маленькими глазками, тонкогубым ртом и такими крутыми мышцами, что казалось, они мешают ему двигаться – никого не смог бы обмануть. Колю Хилого тем более. Он видел Рогова в деле. Он знал его жестокий беспощадный норов. И знал также, что тот редко повышал голос до крика. Почти никогда. Разве что когда девок имел. Тогда он орал не переставая. Но то от удовольствия. В бешенстве же Рогов был тихим и казался совершенно спокойным. Но это не значило, что подобная тишина и спокойствие не могли закончиться выстрелом в лоб.

Вот и сейчас, лениво поигрывая пистолетом, Рогов задавал ему вопросы тихим, ровным голосом. Пару раз он шутиливо прицеливался Хилому в коленку, потом дуло отводил в сторону и говорил:

– Ба-бах!

Коле Хилому не страшно было умирать. Ему было почти шестьдесят. Тридцать пять из которых он отсидел. Он был весь насквозь больной. Ему тяжело было спать, тяжело было вставать по утрам. Да и жить уже становилось тяжело. Болело все, все, все! И поэтому, когда он задавал себе вопрос, а боится ли он смерти, то честно всегда отвечал само-

му себе – нет, не боится.

Но он боялся Стаса Рогова. Боялся, что это чудище с раздутыми мышцами, не дающими ему нормально ходить и держать руки вдоль туловища, устроит ему такое ожидание смерти, что он пожалеет, что вообще на свет родился.

– Так чего молчишь, Хилый? – Снова черное дуло нацелилось ему в колено. – Что я велел тебе сделать?

– Наблюдать за свидетелем. При необходимости убрать, Стас.

– Так, правильно. Ответ зачтен. – Дуло ушло в сторону широкого окна, выходявшего на загаженный пустырь. – Убрать при необходимости свидетеля, который вдруг взялся непонятно откуда. Который вдруг заявил, что у него имеется сраная запись, где наши пацаны пакуют одного урода... Как там его, этого свидетеля?

– Устинов, – подсказал Коля, трясаясь всем телом.

– Правильно, Хилый! Можешь, когда захочешь! – неожиданно похвалил Рогов, но с таким мрачным видом, что похвала прозвучала приговором. – Устинов Сергей Ильич. Чмо полное. Ничего из себя не представляющее. Заснявшее моих пацанов чисто по случайке. И теперь это чмо смеет нам угрожать! И оно – это чмо – вдруг все еще живо! Как такое возможно, Коля? Как, Хилый?! Или ты мне объясняешь, или сдохнешь вместо него. Устраивает такой вариант, Коленька? Только хочу предупредить – издыхать будешь долго...

Этого Хилый боялся больше всего. Поэтому пустил сле-

зу. Не скупую, мужскую, одиноко скатывающуюся по щеке. А настоящее море слез пустил. И начал жалобно скулить и размазывать слезы по морщинистому лицу.

– И скажи мне еще, Коленька, с чего это вместо Устинова подохла следачка? На адресе вдруг издохла она вместо упыря позорного. Разве я давал тебе такие указания, Хилый?! – Голос Рогова сделался жестким, дуло, направленное в колено Коле, больше не дергалось, не шевелилось. Выстрел должен был вот-вот прогреметь. – Ты хоть понимаешь мерзкой своей башкой, что теперь будет?! Теперь мусора станут все валить на нас! Скажут, что это мы ее заказали! Ты – урод, Коля! Мерзкий урод! Согласен?

Хилый промолчал. И не потому, что был не согласен. Просто ему было так худо, что говорить сил не осталось. А надо было еще отвечать. Вопросы не так просто задавались. Ответы требовались.

– Ну! Говори, падла! – чуть повысил голос Рогов, не убирая дула пистолета в сторону. – И от твоих ответов зависит твоя жизнь и смерть твоя зависит. Ну!

– Стас... – просипел Хилый, прокашлялся, сгибаясь почти пополам, легкие он почти потерял уже в третью ходку. – Стас, следачку я не трогал. А Устинова просрал, честно признаюсь.

– Как это? Что значит, просрал?! – вытаращил свои мелкие глазенки Рогов.

– В прямом смысле. – Хилый положил сухую, как засох-

шая ветка, руку себе на живот. – Прихватило. Сел за гаражами. Не заметил, как бумажник выронил. Там адрес. И номер счета... Пятьсот евро. Все там! Я пока до аптеки метнулся, какая-то тварь бумажник подобрала. Хорошо, мелочь в кармане была, я таблеток купил.

– Лучше бы ты яду себе купил, урод, – проворчал Рогов и неожиданно пистолет убрал в стол, за которым сидел, вальяжно развалившись. – И что дальше?

– А дальше... Я же не помню адрес-то, Стас. Голова уже не та... Дом знаю, а подъезд, квартиру – как отрезало. А бабу эту я не трогал, мамой клянусь! – Хилый обмахнулся крестным знаменем. – Видел, как телка какая-то на такси подъехала часам к трем ближе. Чего-то по двору тоже металась. Потом у подъезда торчала, затем в подъезд зашла и как пропала. И все.

– Что все? – Рогов смотрел в стол, нервно кусая губы.

– Больше я ее не видел. В гаражи вернулся, – нагло соврал Коля.

– На хрена?!

– Так надо вычислять воришку-то, Стас.

– Зачем? Пятьсот евро покоя не дают? Счет теперь тебе хрен понадобится. Аванс даже не отработал, урод.

– Я его вычислю, когда кишки на руку намотаю, – пообещал Хилый, ослабив беззубый рот в подобии улыбки. – Мало того что без денег меня оставил, так...

– Так и без жизни мог бы тебя оставить, – закончил за него

Рогов. – И что теперь?

– Что?

Хилый выпрямился. В широких джинсах и ветровке на три размера больше он напоминал огородное пугало. Худой, старый, беззубый, с запавшими, казавшимися безжизненными, глазами.

– Как станешь искать свидетеля, Коленька? Заказ-то не выполнен. Стало быть, не снят.

– Найду, – пообещал Хилый не очень уверенно. – Стас, жив не буду, найду.

– Конечно, не будешь, если не найдешь, – кивнул Рогов еле-еле, потому что перекачанная шея не ворочалась.

– Найду, Стас. Точно найду. У него сестра есть. У сестры дети. Так что ходы-дорожки найдем.

– Лады... Слышь, Хилый, а кто же все-таки следачку грохнул?

– Не знаю! – приложил обе руки к впалой груди Коля. – Даже не видал ничего.

– Как же ты увидишь, если в гаражах шмонался?

– Так я вернулся потом. Рожа Устинова срисовал еще неделю назад. Чего мне его хата? Я бы увидал его на улице и...

– Ой, что-то темнишь ты, Хилый.

Рогов встал с места и тяжело шагнул вперед, из-за постоянных тренировок и стероидов он плохо двигался. Стремительно лишь соображал и стрелял, причем без промаха.

Выбросил правую руку вперед, поймал Колю за воротник, потянул на себя.

– Если узнаю, что ты приложился к этой бабе, кишки намотаю уже я тебе, Коленька.

– Мамой клянусь! Мамой... – заныл Хилый.

Ему было неудобно так стоять, поясницу простреливало, и Рогову, конечно же, хотелось бы, чтобы он упал на колени. Он бы и упал, если бы потом смог подняться. Болело же все. Особенно теперь, когда он надорвался.

– Не трогал я ее, Стас! Клянусь, не трогал!

– Смотри... – Рогов оторвал крепкие пальцы от его воротника, брезгливо поморщился, осмотрев их на свет. Вытер о штаны. И проговорил, возвращаясь на место, за стол: – Мусора лают, следачку-то обнесли.

– Как это?! – Морщинистое лицо Хилого вытянулось и побледнело, насколько это вообще было возможно при его синюшном цвете щек. – Как это обнесли?!

– Цацки сняли, телефон забрали, кошелек, ксиву... Ты, Хилый, мне скажи, пока еще не поздно... Ты точно не при делах? – И два страшных глаза впились Коленьке прямо в душу.

– Ты что, Стас? – просипел Хилый, от страха лишившись голоса. – Стал бы я со жмура цацки снимать?! Я... Я бы побрезговал.

– Ишь ты, а раньше не брезговал. Ладно, ступай, Хилый. И помни... За неделю не найдешь свидетеля, которого про-

срал... — Рогов мелко захихикал, — кишки выну я из тебя. Долго стану тянуть... Очень долго! Все, вали отсюда!

Хилый, пятясь, нашел костлявым задом дверь, толкнул ее, вышел, дверь закрыл и тут же без сил привалился лбом к стене, обитой декоративным пластиком под плитку.

Господи, спасибо тебе! Спасибо, что дал ему передышку! Что не позволил этому кубику, как он про себя называл Рогова, вынуть из него душу. Тот на подобные дела был мастером. Спасибо, что не позволил прострелить ему колени. Куда бы он безногий? Кому нужен? Это у свидетеля сбежавшего сестрица имеется и пара племянников. У него-то никого! Он один. Один на один со своими сроками, болезнями, страхами. И...

И со своими удачами.

То, что вчера ему удалось обшманать мертвую бабу и разжиться золотишком, часами и денежками, он счел удачей.

Вчера...

Сегодня он счел это происками дьявола. Сегодня, когда Рогов выедал ему душу своими мерзкими глазенками, он понял, что это не было удачей. Он влип!

Но кто же знал, что эта баба следователь Усова?! Кто знал?! Просто он увидал, как ее убили. Увидал, как она падает в кусты. Как ее туда затаскивают поглубже. Дождался, когда ее убийца свалит. Еще чуть посидел, понаблюдал. Убийца оттащил ее подальше от глаз в самые заросли. Уже там, в кустах, Коля надел шерстяные перчатки, у него руки постой-

янно мерзли, он их не для дела в кармане таскал, а от холода. И... И снял с нее все. И в сумке пошарил. Решил, что это неплохая компенсация за его потерянный бумажник. Урод! Как он мог так вляпаться! А все из-за того скота, что его бумажник стянул. Все из-за него! Ну, ничего, он его вычислит. Он точно его вычислит. Прямо сейчас наведается в те гаражи, понаблюдает, если надо, расспросит.

Хотя с этим нужно бы осторожнее. Его там пока никто не срисовал. Он осторожно передвигался и в гаражах и по двору. Зря носа не показывал. Ну, ничего. Он умеет наблюдать. И вычислит воришку на раз. А там уже можно будет и сбежавшим свидетелем заняться. А потом и постараться золотишко пристроить, что с бабы снял. Есть у него один надежный скупщик, есть. Ни за что не сдаст его, ни за что...

Глава 6

Харламов хмуро смотрел на Незнамова.

– Значит, никаких билетов не было им куплено?

– Нет, Вадик. Ни самолетом, ни поездом Устинов Сергей Ильич не уезжал никуда. Если только автостопом или автобусом. Но телефон, я тебе уже говорил...

– Помню я, – отмахнулся Харламов.

Потер ладонями щеки, ему все время казалось, что у него отмерзает лицо. Мертвеет кожа, немеют губы. После каждой новости, что приносил ему Валера Незнамов, врываясь в кабинет, становилось все хуже и хуже. После того как Валера сообщил, что все звонки Устиновым совершались из их региона, что ни в какой Питер тот не уезжал, он понял, что банально попался на бандитскую удочку. Что его просто помели! А Лариса...

Лариса погибла из-за него. Из-за его непрофессиональных действий. Он должен был проверить этого Устинова. Должен! А не проверил! Обрадовался удаче и... она погибла. Из-за него!

– В общем так, Валера, дело архиважное. Если этот телефон вдруг себя проявит, сразу сообщай. – Харламов достал из сейфа оружие, сунул в кобуру. – Звони, понял?!

– Так точно, товарищ капитан, все понял, – кивнул Незнамов и исчез за дверью.

Незнамов все понял, а Харламов не очень. Что-то точило и не нравилось в этой причастности Устинова к убийству. Что-то неправильно было, как-то переиграно.

Ладно, решил он, выбегая под осенний дождь на улицу, надо с чего-то начинать. Вот он и начнет с опроса жильцов дома того подъезда, где проживал этот самый Устинов. А для начала он навестит его квартиру. Без понятых! Потом уже, если обнаружит там что-то интересное, сообщит в отдел, который занимался убийством Ларисы. Тогда уже будут и понятые.

Где? Где она пробыла столько времени, не обнаружив Устинова дома? Или все же встреча состоялась? И этот мужик нагло соврал ему? А почему нет! Если он соврал про свой отъезд, что мешало ему соврать о том, что их встреча не состоялась?

Мало кто из жильцов подъезда, где проживал Устинов, оказался дома. По большей части Харламову приходилось слушать затихающее в пустых квартирах эхо дверных звонков. На первом этаже дома оказалась пожилая женщина, сообщившая ему, сурово сдвинув брови, что не наблюдает за соседями. Никогда не имела, мол, такой привычки, и не собирается ей изменять.

– Нашли моду, искать виноватых! – зло фыркнула она, кутаясь в теплую кофту с растянутыми до коленок рукавами. – Чуть что у них случится, сразу по соседям! Я приличный человек и за соседями не наблюдаю! К Верке ступайте, она

на четвертом живет в сороковой квартире. Та, тварь, все про всех знает. И к Сереге не раз навязывалась, бесстыжая...

Верки в сороковой квартире не было. Харламов звонил, стучал, в ответ тишина. Тогда он, спустившись на этаж, достал из кармана связку полезных предметов, так он называл отмычки, которыми его научила пользоваться покойная Лариса. Присев на корточки перед дверью Устинова, он вставил тонкий металлический стержень в единственный замок под ручкой. Один крен, второй, легкое смещение влево, щелчок, еще один. Все, замок открылся.

Осмотревшись, послушал, не идет ли кто сверху или снизу. Вадик натянул пониже рукав куртки, осторожно взялся за ручку и открыл дверь. Вошел, закрыл дверь, какое-то время стоял, слушая бешеный стук своего сердца и привыкая к темноте, царившей в прихожей. Потом ткнул в выключатель локтем. Сощурился от яркого света лампочки, мотающейся на гнущем шнуре. Огляделся.

Прихожая как прихожая. Деревянная вешалка с тремя крючками. На одном болтается спецовочная куртка. Он проверил карманы. Ничего. Пусто. Ни бумажки, ни старого трамвайного билета. Ни табачной крошки. Под вешалкой мужские матерчатые тапки, разбросанные в беспорядке. Обувная полка, совершенно пустая, без следов пыли или разводов от грязной обуви, которая тут могла стоять еще вчера. Старое зеркало левее вешалки. И все. Больше в прихожей ничего не было. Старый линолеум в мелкую клеточку не был

застелен ковром и будто бы тщательно вымыт.

Харламов нацепил на ноги бахилы, которые взял специально, зная, что полезет в квартиру Устинова. Пошел дальше. Ванная комната с пустой, вымытой до блеска полкой. Ни полотенец, ни зубной щетки – ничего. Пол чистый, ванна тоже. В санузле такая же стерильная чистота. Кухня встретила пустым, распахнутым настежь отключенным холодильником. Пустые полки, пустая сушка. Даже тарелок не было! Вилки с ложками тоже отсутствовали. В единственной комнате стояли диван с незапятнанной обивкой, старомодный шифоньер с пустыми полками, полированный стол и два стула. Все! Даже штор не было.

– Это о чем нам говорит, Харламов? – задал сам себе вопрос Вадик, растерянно осматривая квартиру еще раз. – Что он тут не жил, этот мерзавец. Собрать все вещи и вывезти их отсюда за вчерашний день или минувшую ночь он не смог бы!

Его догадки подтвердила Вера из сороковой квартиры с четвертого этажа, вернувшись через час с покупками из супермаркета, расположенного в двух кварталах от дома.

Все это время Харламов бродил по двору, лазил по кустам, в которых нашли Ларису, и не поленился пройтись заросшей тропинкой, плутающей между гаражами. Потом, вымокнув под дождем, он влез в машину, включил печку и стал ждать.

Почему-то он сразу узнал в пышнотелой молодухе, широко шагающей через лужи, ту самую бесстыжую Верку, кото-

рая все про всех знала и не раз навязывалась Устинову.

– Простите, – окликнул ее Харламов, которому жуть как не хотелось вылезать из теплого нутра машины снова под дождь. – Вы Вера? На четвертом этаже живете в этом вот подъезде?

– Допустим, – кивнула она, не переставая шагать.

Ее взгляд резво прошелся по Харламову. Оценил его высокий рост, крепкую фигуру, особо тщательно ощупывал его лицо с высокими скулами, восточным разрезом глаз, тонкогубым ртом.

– Кочубей! – вдруг выдала Вера, жадно облизнув полные губы. – И чего тебе, Кочубей?

– Почему Кочубей? – улыбнулся Харламов.

– На монгола похож, – уточнила она и протянула ему два огромных пакета, которые несла.

Харламов послушно взял ношу и пошел за ней. У самого подъезда Вера обернулась на него и внесла уточнение:

– На красивого монгола похож, гражданин начальник. Ты ведь мент, так?

– Мент, – кивнул Харламов ей в спину.

– Из-за женщины тут, которую утром нашли? – Она широко шагала к лифту.

– Из-за женщины.

Он вошел следом за ней в кабину, и ему тут же стало тесно от ее пышного тела, которым она сразу же принялась его теснить в угол кабины лифта.

И правда бесстыжая! Он даже покраснел под ее пристальным алчным взглядом.

– Не бойся, Кочубей, приставать не стану, – хохотнула Вера утробно, выпуская его из лифта впереди себя. – А вот чаем напою. Губы-то от холода посинели совсем. Двор обыскивал, что вымок так?

– Пытался. Только...

– Только бесполезное это занятие, – кивнула она, опережая его с ответом, открыла дверь своей квартиры. – Входи, Кочубей!

Хорошо, не слышал никто, иначе бы прилипло, решил он, снимая по ее требованию ботинки в прихожей, выстеленной серым ковром. Монголом его в последний раз называли в третьем классе. И тому, кто посмел, это стоило разбитого носа.

– Иди в кухню, я щас переоденусь. Пакеты поставь на стол, – командовала Вера из своей спальни, громяхая дверцами шкафов и шурша одеждой. – Чайник поставь, закипает, зараза, долго. Я щас...

Харламов послушно поставил пакеты на круглый стол, накрытый скатертью, налил полный чайник, поставил на огонь. Сел к столу, не снимая куртки. Кухня была просторной, модной, обжитой. Не то что у Устинова. Здесь жили, готовили, питались, принимали гостей. Подвешенных за ножки фужеров под навесным шкафом Харламов насчитал восемнадцать штук.

– Вот и я.

Вера всплыла в кухню в теплом мохнатом домашнем костюме, делающем ее похожей на огромную овцу. Мелкие кудряшки ее прически и глуповатая улыбка довершали впечатление.

– Так, значит, не нашел ничего, начальник, во дворе-то?

Она села напротив Харламова за стол, не сделав попытки накрыть его к чаю. Может, что-то такое уловила в его взгляде?

– Не нашел.

– А что можно найти, если ваши там стадом прошлись. Тоже мне, сыщики! Все перетоптали, с людьми не поговорили и свалили. Ищи следы теперь. Да дождь третий час моросит! – возмутилась Вера. – Собака опять же баб-Нюрина эти кусты облюбовала, тварь такая. Гадит там и гадит. – И вдруг без перехода: – Кто была тебе эта женщина, Кочубей? Любовница, подруга?

– С чего вы решили?

Он растерялся. Неужели заметила, как его передернуло при рассказе о собаке? Неужели так обнажилась его боль, стоило представить бедную Ларису, пролежавшую мертвой в загаженных собакой кустах?

– Она была моей начальницей, – обронил он глухо следом. – И просто очень хорошим человеком.

– Ты с ней не спал? – со странной ревностью в голосе перебила его Вера.

– Нет. А почему вы спрашиваете?!

– Ну... Просто она... Красивая была, эффектная. – Губы Веры сложились недовольно. – И к мужикам клеилась.

– Что-о? – Харламов начал медленно вставать, еще мгновение – и он точно не сдержался бы и потрянул как следует эту бабу в странном овечьем наряде. – Вы чего несете, Вера?!

– А что! – Она сердито поджала губы, глянула на него из-под овечьих кудряшек, густо рассыпавшихся по лбу. – Она же к Сереге вчера на свиданку пришла? Пришла. Ждала, стояла у подъезда, пока он подойдет. Все звонила и звонила ему. А он не отвечал чего-то. Ко мне еще с вопросом сунулась. Где он, говорит, может быть? А я ей в лоб – не слежу за вашими мужиками, милочка!

– А она что? – скрипнул зубами Харламов, дотянулся до газовой вертушки, выключил нервно свистнувший чайник. Угощаться он тут точно не станет.

– Она странно так посмотрела на меня. – Вера попыталась изобразить удивление Ларисы. – И снова столбом встала у дверей подъезда. А мне даже интересно стало. Думаю, чем это ее этот старый плешивый пень так заинтересовать мог? Честно? Даже подумала, что она по вызову!

– С чего так решили?

– Ну... Красивая, в джинсах, свитер такой модный. – Вера изобразила высокое горло свитера, в котором была вчера Лариса. – Часы дорогие, она на них без конца смотрела. Я ведь с ней постояла немного у подъезда, – вдруг призналась

она. – Да и серьги у нее были очень дорогие. Не могу утверждать, плохо разбираюсь, но, наверное, с бриллиантами. Такие, как запятые, серьги, с камушком.

Серьги эти Харламов знал. Подарок Усова на годовщину их свадьбы. Лариса хвасталась. И они, в самом деле, были с бриллиантами. На ней их не было обнаружено.

– Она дождалась Устинова? – Харламов уставился в мгновенно заматававшиеся глазки хозяйки. – Врать не советую. Мы все равно его поймаем.

– Поймаете?! – ахнула она и прижала пухлые ладони к мохнатой домашней курточке. – Вы что же, думаете, это он?! Он убил вашу начальницу?!

– Пока я ничего не думаю. Я пока занимаюсь сбором информации. И очень важно, чтобы она была правдивой, Вера. – Он положил на стол крепко сжатые кулаки, желание начать молотить ими по столу стало просто невыносимым. – Она дождалась Устинова, Вера?! Ну! Говорите же!

– Да. – Голова в мелких кудряшках опустилась так низко, что Харламову стал виден мощный Верин загривок. – Она дождалась его у квартиры. На улице стало холодно. Она поднялась и ждала его уже в подъезде. Он явился ближе к пяти. И... И кажется, не очень обрадовался, когда она его окликнула. Слышно было плохо... Да! Чего смотришь, Кочубей?! Я подслушивала!.. А что, нельзя?! Арестуешь меня за это?! Короче, она ему что-то предъявляла, он от чего-то отказывался. Потом они вошли в его квартиру.

– А вы?

– А что я? – Вера дернула полными плечами. – Я спустилась на этаж, ухо приложила к двери. Они разговаривали прямо у дверей.

– О чем?

– Ой, да разве же я поняла? – Вера вскинула голову,глянула на него с досадой. – Она что-то с него требовала, говорила, что это важно. Он лопотал что-то. Почти не слышно. Потом вдруг воскликнул, что он точно знает и его видел.

– Еще раз! Дословно! – перебил ее Харламов, его колотило.

Почему после того, как увезли Ларису, не был произведен поквартирный обход? Что за ведение дела? Когда они этим собираются заниматься? Завтра, через неделю?!

– Ну, в общем, Серега возмутился чего-то. Говорит, вам-то, мол, что? Это моя задница страдает. Может, чуть не так. Она говорит, мы сможем это устранить. А он – пока вы соберетесь, то да се... Короче, говорит, я его видел. И точно знаю, что это он!

– Кого?! Кого видел?!

– Я не знаю. Замок начал щелкать, я пулей домой, чтобы не застучали, – призналась Вера, обернулась на газовую плиту. – Может, чаю, Кочубей?

– Нет, спасибо... – Он снова потер щеки, они казались замороженными. – Что потом? Что было потом, Вера?

– А я знаю?! – фыркнула она неуверенно, но тут же осек-

лась под его жестким взглядом. – Ну... Дверь Серегина хлопнула. Шаги вниз по лестнице. Я на балкон пулей. Стою, смотрю...

– Что вы видели?!

– Что увидишь, Кочубей, в такую погоду? Фонари хоть и горят, но... Кусты, деревья, разрослось все. Сколько раз писали в ЖЭК, чтобы опилили. Ни хрена никому дела нет!

– Она вышла из подъезда одна?

– Да, – с явным облегчением выпалила Вера.

И не понятно было, что ее радовало. То ли что смогла это увидеть вчерашним роковым вечером и смогла быть полезной ему – Харламову. То ли что Устинов не пошел следом за Ларисой, исключив Ларису тем самым из разряда соперниц.

– Дверь открылась. Свет упал на ступеньки, это мне видно было. Она вышла, так вот поежилась. – Вера зябко шевельнула огромными плечами в овечьей шкуре. – Дверь захлопнулась и...

– И что дальше?

– Ничего. – Ее взгляд снова плутовато вильнул в сторону.

– Вера! Вы же сказали, что она к мужикам клеилась. Сказали в самом начале? – напомнил ей Вадик.

– Ну, сказала, – нехотя призналась она.

– Почему вы так сказали? Устинов понятно. Она его ждала. Заставила вас нервничать. Но это один мужик, Вера. Кто был еще? Кто?!

– А я знаю?! – огрызнулась она, вскочила со стула и начала

хлопотать с чаем.

Гремела чашками, заварочным чайником, без конца просыпала сахар мимо сахарницы, чертыхалась, лила кипятков. Вадик терпеливо ждал. Не уходил. Не торопил. Вера что-то знала. Это могло быть важно, а могло оказаться и пустышкой. Но она точно что-то знала. И решила промолчать. Почему? Боялась? За себя или за Устинова, к которому явно питала симпатию? Вон и соседка с первого этажа подтвердила, что она к Устинову клеилась.

– Пей чай, Кочубей, – буркнула она, ставя перед ним красивую пузатую чашку.

Сама отошла к окошку, уставилась на улицу, сунув руки под мышки.

– Вера, – позвал он, вежливо отхлебнув из чашки пару раз. Чай был терпким, вкусным. – Вера, понимаете, может так получиться, что вы стали свидетелем...

– То-то меня и пугает, Кочубей! – воскликнула она плаксиво, и крупное тело ее содрогнулось, Вера сцапала обеими руками широкую тюлевую занавеску, смяла ее. – Серега вон тоже собирался засвидетельствовать, а что вышло?!

– Что вышло?

Вот про Устинова она бы лучше не говорила ничего. Эта сволочь...

Только бы Вадику добраться до него! Он из него всю душу вытрясет! Из-за него погибла Лариса! Из-за его трусости или подлости.

– Вышло то, что ему теперь скрываться приходится, – нехотя вымолвила Вера, вернулась тяжелой поступью к столу, села, глянула на Харламова с мольбой. – Он ведь куда-то смылся, Серега-то. Рано утром и смылся, я видела в окошко. А куда? И так толком не жил тут. Набегами. Сдавать даже собирался квартиру. А теперь и вовсе не явится.

Закончила она уж почти со слезами.

– А где он жил, раз тут редко появлялся?

Харламов ей поверил. То, что квартира Устинова была нежилой, было ясно с первого взгляда. Со второго становилось понятно, что поспешных сборов там тоже не было.

– Где-то домик у него есть. В районе, – отозвалась она со вздохом. – Сколько раз обещал меня туда в гости пригласить. Да только болтал... Тут редко появлялся.

Харламов поблагодарил за чай, поднялся. Глянул в ее макушку.

– Вера, что было после того, как подъездная дверь за моей начальницей закрылась?

– Ничего, – неуверенно дернула она головой. – Не видно же ничего. От подъезда до освещенного тротуара три-четыре метра. Они просто тонут в темноте. Меня один раз разогло вечером выйти подышать, так чуть собаку бабы Нюры не раздавила. Инфаркт едва не свалил. Ни черта не видно!

– Хорошо, пусть так. Эти метры, что преодолела Лариса Ивановна, тонут в темноте. Вы не видели, как она там шла. А потом, когда она вышла на свет, под фонари? Потом что?

– А ничего. Она так и не вышла на свет-то, – едва слышно произнесла Вера и всхлипнула. – Я ждала, ждала, а она так и не вышла. Я подумала тогда, что она Серегу снова дожидается. В темноте. А когда уж утром Серега с сумочкой смотался, а потом ваши подкатили с мигалками, тогда уж... и поняла...

– Что поняли, Вера?

– Что беда, Кочубей. Беда с твоей начальницей-то. Только смотри у меня! – Вера вдруг погрозила ему крупным пальцем, глянула зло. – Не смей Серегу обвинять. Не он это, не он!

– А кто же?

– А я знаю?! – воскликнула она. – Кто-то, кто подждал ее в темноте.

– Вы не видели?

– Нет! – отпрянула она в сторону, когда Харламов над ней склонился. – Нет, не видела! Никто на свет не вышел. Ни начальница твоя, Кочубей, ни тот, кто ее ждал.

– Н-да...

Выходило, Ларису ждали? Выходило, ее туда заманили обманом? Раз Устинов категорически отрешивается от своего звонка, значит, это кто-то другой? Кто, черт побери?! Кто?

Он обошел стул, на котором горбилась Вера в нелепом костюме, напоминающем овечью шкуру. Пошел в прихожую. И уже успел завязать шнурки на левом ботинке, оставался

правый, когда она выплыла в дверной проем.

– Слышь, Кочубей... – Она захватила кудряшку возле уха, накрутила ее на палец. – Только я ведь ничего тебе под протокол не скажу. Ничего не видела и не слышала.

– А и черт с тобой! – вспыхнул он, бантик на правом шнурке не получился, затянувшись узлом. – Покрывай маньяка!

– Почему маньяка?! – ахнула Вера, сильно побледнев. Привалилась к притолоке. Повторила: – Почему маньяка, Кочубей?!

– Да потому, что, может, тут маньяк какой объявился. – Он сунул концы шнурка в ботинок, так и не справившись с узлом. Выпрямился. – Станет теперь по очереди всех убивать. Приспичит тебе выйти подышать в следующий раз, он тебя и прикончит, как Ларису Ивановну.

Вера, насупившись, осмотрела Харламова с ног до головы неприязненным взглядом. Потом произнесла со вздохом:

– Это был не маньяк.

– Да? Откуда ты знаешь? Он, может...

– Она его узнала перед тем как вскрикнуть, – нехотя призналась она.

– Что? – Кожа на щеках натянулась до боли, сердце перестало стучать, вернее, он его перестал чувствовать. – Лариса его узнала? Как?! Как она его назвала?!

– Не знаю, никак. Просто сказала – ты.

– погоди, погоди! Еще раз! Что она сказала?! – Он подлетел к хозяйке и не заметил, как сгреб кулаками овечьи куд-

ряшки костюма на ее груди. — Что она сказала, Вера?

— Ну... Дверь у подъезда когда захлопнулась, темно стало, потом эта женщина сказала: ты? Затем как-то странно вскрикнула — и тишина. Это все. — Ее потные ладони накрыли руки Харламова. — Ты костюм-то на мне не рви, Кочубей. Денег стоит...

— Как, как она это сказала? Удивленно или как? Может, она не успела просто договорить? Может, просто хотела спросить, ты что делаешь, а? Вера! Вера, вспоминай, это важно! Ну! — Он все так же трепал костюм на ее груди.

— Нет, она его узнала, — подумав, ответила она. — Удивленно так: ты? Будто не ожидала увидеть там того, кого встретила. И потом сразу вскрикнула. Коротко так. Ой... Ой — и все... — Ее ладони чуть сжали пальцы Харламова. — Руки-то у тебя какие сильные, Кочубей... Может, останешься, а?..

Он не остался. Он вышел на улицу, подставил лицо ледяному ветру, распыляющему мелкий осенний дождь. Судорожно сглотнул, пытаясь проглотить громадную пробку, вбитую ему в горло страшной бедой.

Ларису кто-то ждал у подъезда? Она его узнала? Она успела его узнать до того, как этот кто-то вонзил ей в сердце нож? Это так или нет? Или Вера, обезумевшая вчерашним вечером от ревности, что-то путает? Мог Устинов выйти вместе с ней из подъезда на улицу и убить ее там? Вера все это видела и теперь выгораживает любовника.

Нет, вряд ли.

Вера, конечно, могла его выгораживать, это бесспорно. Но Лариса никогда не тыкала фигурантам дела, кем бы тот ни являлся – убийцей, грабителем или свидетелем. И с Устиновым она всегда была на «вы». Харламов присутствовал неделю назад при их беседе, она называла его на «вы» и по имени-отчеству. Значит... Значит, это был кто-то знакомый. Хорошо знакомый. Или близкий человек, встреча с которым ее очень удивила. Кто это мог быть, кто?

Глава 7

– Селезнев! Где ты витаешь? – резким неприятным голосом спросила учительница алгебры и решила уточнить: – В облаках?

Он не знал, как там – в облаках. Он ни разу не летал. Вот родители вернутся с отдыха, тогда спросит. Но он сильно сомневался, что там можно «витать», как сказала математичка. Мать вчера звонила. Призналась, что лететь ей было страшно. Что ее тошнило постоянно. Отец напился сразу, как сел в самолет, и проспал все время полета. А ей было худо.

– Больше никогда не полечу. Боюсь, – призналась мать. – Как бы вот еще вернуться...

Смешно признаться, но он ждал их возвращения. С нетерпением ждал. Потому что ему было впервые одиноко дома и еще очень страшно. И из-за бумажника, который он поднял на пустыре за гаражами. И из-за той красивой женщины, которую убили в кустах под их балконами. Вовка тысячу раз пожалел, что поднял тот злополучный бумажник. Тысячу раз пожалел, что позвонил в дежурную часть. Не надо было этого делать, не надо. Отец часто говорил ему, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Ни одно! А он вот совершил доброе дело, сообщив о погибшей, а теперь ждет возмездия.

Какого? Так в образе толпы полицейских возмездия он

ждет. Явятся алчные до информации ребята, окружают его, станут заламывать руки, выбивать признание. Что, как, почему, откуда? Под таким напором все расскажешь. И про бумажник тоже. Что было особенно неприятно. И дело было даже не в деньгах, которые Вовке дико не хотелось возвращать. А в бумажке с адресом. И в той длинной цепочке цифр.

В них, этих цифрах, крылось что-то очень... очень таинственное. И адрес. Вдруг именно в ту квартиру, что располагалась в соседнем подъезде, шла убитая потом женщина? Вдруг ее интересы пересеклись с интересами хозяина бумажника? В том, что бумажник был не ее, Вовка был уверен на все сто. Во-первых, бумажник был мужским. Во-вторых, красивая женщина не пришла из-за гаражей, кажется, она приехала на такси.

Так вот...

Если интересы этой красивой женщины и хозяина бумажника каким-то образом пересеклись, то, вполне возможно, он ее и убил! А если он ее убил, то бумажник он постарается вернуть любыми путями, чтобы скрыть свое присутствие в их дворе. А как он узнает, что бумажник у Вовки? Правильно! Ему об этом скажут менты. У них всегда случается утечка информации, Вовка не раз видел это в сериалах. Как-нибудь одна паршивая продажная овца найдется и...

Нет, надо всеми правдами и неправдами отрешиваться от доброты, которую проявил по отношению к убитой женщине. Если менты к нему заявятся, он не признается ни за

что в том, что звонил в дежурную часть. Ни за что!

Вовка дождался звонка на перемену и сразу засобирился домой. Зря он вообще в школу пришел сегодня. И вчера зря приходил. Две двойки получил, один трояк. Ведь не соби-рался ходить, пока родители на отдыхе. Пошел от страха. Те-перь исправлять придется. Все, сейчас класске скажет, что заболел, и просидит дома до возвращения матери и отца. На-до только продуктами запастись. И постараться на глаза ни-кому не попадаться. И тогда все у него будет хорошо.

Вовка наврал классной руководительнице о внезапной хвори, скосившей его растущий организм, вышел на улицу, пересчитал деньги, оставленные родителями. Сумма была вполне приличная, зря он на них пер в первый день, дома в морозилке у него еще лежали две курицы, пельмени, при-готовленные матерью, два десятка домашних замороженных котлет. Чего купить?

Он остановил свой выбор на трех колясках «краковской» колбасы, он ее обожал. Еще он взял три килограмма моро-женого, пять пачек чипсов и дюжину шуршащих упаковок с ржаными сухариками. Уложил покупки в школьную сумку, что не влезло – в пакет. И пошел домой.

Опасность Вовка Селезнев почувствовал задолго до того, как поравнялся со своим подъездом. Просто физически за-ныло все внутри, стоило глянуть в сутулую спину худого му-жика, шагающего по заросшей тропинке в сторону гаражей.

Он! Это он! Тут же решил для себя Вовка и ускорил шаг,

чтобы побыстрее оказаться дома.

Но не тут то было! Баба Нюра со своей собакой преградила ему дорогу.

– Опять прогуливаешь?! – ахнула бабка с возмущением, цепляясь за его пакет. – Все родителям расскажу!

– Я заболел.

Вовка попытался выдернуть пакет из ее рук, бесполезно, старая бестия уже внимательно рассматривала его покупки.

– Мать деньги на хлеб с молоком оставила небось, а он чипсы покупает и мороженое! – громко взвизгнула она, чем привлекла внимание сутулого мужика.

Тот внезапно остановился, оглянулся на них, пристально рассматривая бедного Вовку.

– Вот погоди, прилетят родители, все им расскажу! – надрывалась баба Нюра, ее собака ей вторила, заливаясь отвратительным мелким лаем. – В школу не ходишь, в гаражах постоянно отираешься! Чего там надо?! Видал, какие там упыри ходят!

И ее палец гневно проткнул воздух в направлении сутулого мужика, внимательно наблюдающего за сценой, разыгравшейся у Вовкиного подъезда.

– Видал, какой! – Старая женщина бесстрашно шагнула вперед, продолжая тыкать пальцем в сторону сутулого. – Все утро ходит тут, выпрашивает. Чего уставился, урка?! Шас вот полицию вызову, они тебе на все твои вопросы ответят! И с тебя заодно спросят, чего тебе надо тут на третий день

после убийства?! А, испугался? Побежал?..

Мужик не побежал, конечно, но, покрутив у виска пальцем, ушел узкой тропинкой в гаражи. Вовка, воспользовавшись заминкой, нырнул в подъезд.

– Дура чертова! Старая карга! – ругался он потом часа полтора, маршируя по квартире с упаковкой сухариков. – Кто просил пасть разевать?!

Он так сильно расстроился, что даже не мог сидеть за компьютером и телевизор его не увлек, когда он попытался посмотреть свою любимую передачу об автомобилях. Через пару часов позвонила мать с отдыха.

– Как твои дела, сынок? – Голос матери звучал так, как если бы она с силой подавляла радость, бьющую через край.

– А у вас как дела?

– Ой, даже стыдно признаться, как хорошо.

Он сразу разозлился. Им там хорошо, весело и, что главное, беззаботно, а у него одни проблемы!

– У тебя-то как? Чего молчишь? В школу не ходишь?

– Хожу, – буркнул Вовка. – Дома скучно, вот и пошел.

– Молодец! – воскликнула мать и, кажется, прослезилась. – Ну, молодец же, сыночек!

– Чё молодец-то? Две двойки и трояк уже схлопотал, – решил он сразу признаться, чтобы потом не ныли. – Лучше бы не ходил.

– Да ладно тебе, Вовка, исправишь, – рассмеялась мать счастливым, беззаботным смехом. – Оценки – это такая

ерунда! Это все можно очень легко исправить...

Да, думал он потом, со злостью хрустя сухариками и пиная пустые упаковки из-под них по полу, оценки можно исправить. Ту убогую ситуацию, в которую он попал по собственной глупости, исправить уже нельзя. Он это понимал, он это чувствовал...

Опасения начали сбываться уже на следующий день.

Вовка проснулся так рано, как будто собирался пойти в школу. На часах было половина восьмого. Утро выдалось солнечным, теплым. Он выходил на балкон покурить в одних трусах и футболке и даже не замерз. Но славная погода еще ничего не значила. Недолгий опыт его недолгой жизни утверждал, что все пакости случаются именно в такой вот замечательный день. Игрой контрастов называла это Вовкина учительница по литературе. Он был с ней в этом солидарен.

С мрачным видом, затушив окурок в пепельнице, проветрив балкон, он вернулся в комнату и снова полез под одеяло. Но сон не шел. И желудок начало подводить от голода и табачного дыма, употребленного натошак. Он решил встать и позавтракать. Изжарил себе два яйца, нарезал «краковской» колбасы, заварил чая в большую отцовскую кружку. Сел за стол, взялся за вилку, но тут вдруг вспомнились отцовы слова, что с неумытой рожей за стол садиться не следует. Грех это! Вылез и нехотя поплелся в ванную, будто отец в спину его толкал. Умылся и даже почистил зубы, хмуро рассматривая новый прыщ, вздувшийся красным холмом на левой

щеке. Натянул отцов банный халат, вернулся в кухню, снова взялся за вилку и тут же замер.

Звонок в дверь прозвучал страшным набатом. Он буквально парализовал его. Он заставил его внутренности мгновенно сжаться в комок и подкатить к самому горлу, надавив там на что-то с такой силой, что, того и гляди, вырвет.

Кто?! Зачем?! В такую рань! Училка не могла, он отпросился. Сказал, что дня три-четыре будет болеть.

Он осторожно положил вилку на стол, стараясь не звякнуть. На цыпочках пробрался к входной двери, прислушался. За дверью, на лестничной клетке, кто-то с кем-то разговаривал. Один голос был мужской, второй женский. Через минуту он догадался, что за женщина хозяйски терзала кнопку их звонка.

Баба Нюра! Ее собака противно тывкала и скреблась в дверь. Хозяйка настырно не убирала руки с кнопки.

Ладно, с ней понятно, а что за мужик там?

Вовка припал к дверному глазку, внимательно осмотрел противную соседку, успевшую надеть на ночную сорочку, волочившуюся по полу, длинный шелестящий плащ ядовитого зеленого цвета. Рядом с ней стоял молодой мужик или парень, сложно было понять. Но ему не старше тридцатника, определил Вовка навскидку. Высокий, симпатичный, на азиата похож. В легкой кожаной куртке, с кожаной папкой под мышкой.

Мент! Внутри задрожало все, что там имелось, каждый

орган, каждый нерв. Дождался, урод?! Просили тебя звонить? Благодетель!

А может, это из детской комнаты? Может, училка нажаловалась? Так, стоп. Он же отпросился.

– Вовка, открывай! – завизжала баба Нюра и поднесла свою противную морду к дверному глазку, сделавшись неузнаваемой и комично раздутой. – Я знаю, что ты дома! В школу не выходил, я точно знаю! Открывай! К тебе тут из полиции! Открывай, а то дверь начнем ломать!

Вовка Селезнев медленно начал ворочать замками. Спорить с этой старой душой бесполезно. Отсидеться тоже не получится. Она запросто МЧС вызовет, и те дверь взломают. Просто скажет им, что газом пахнет или что ее заливают соседи сверху. Она может. Так уже было!

– Оп-па! Скажите, какой господин! – хохотнула баба Нюра, увидев подростка в отцовом банном халате. – Говорю же, не пошел снова в школу, товарищ полицейский. Мать с отцом на отдых улетели, а этот прогуливает.

– Согласовано, если чё, – огрызнулся Вовка и пнул ее собаку, норовившую проскочить мимо его ног в прихожую. – Чё надо-то?

– Мне надо с тобой поговорить. – Полицейский с симпатичным лицом азиата шагнул вперед, тесня соседку Вовки. – Очень важно.

– Хорошо.

Спорить было бесполезно. Если мент вошел в дверь, его

уже не выставишь просто так. Тут нужно либо в глухую незнакомку уходить, либо договариваться. Так советовал отцу его родной брат, когда изредка прилетал к ним из Владивостока.

– Только вам тут, баба Нюра, делать нечего, – заявил Вовка.

И, чуть толкнув наглую бабу в грудь, прущую напролом в его квартиру, захлопнул дверь. Менту кивнул на дверь кухни.

– Проходите. Я как раз собирался завтракать. Будете со мной?

– Нет, спасибо, завтракал, – соврал Харламов: обедать парня, у которого родители укатили на отдых, он не собирался. Да и аппетита не было который день. – К тебе есть пара вопросов.

– Не вопрос. – Вовка натянуто улыбнулся, решив использовать советы родного дяди по полной программе. – А удостоверение можно посмотреть?

– Пожалуйста. – Харламов продемонстрировал ксиву. – Капитан Харламов. Занимаюсь расследованием убийства Усовой Ларисы Ивановны. Она была... моей начальницей. И просто очень хорошим человеком.

Мент не может быть хорошим, вспомнил он пьяный дядькин треп. А уж если мент баба, то это вообще жуть! Тогда шансов выжить просто нет...

Выжить не получилось у нее, с неожиданной грустью подумал вдруг Вовка. И была она очень красивой и милой. И

совершенно не казалась жесткой и нехорошей.

– Я вас слушаю.

Вовка взял в руки вилку, хлеб, начал терзать остывшую яичницу, сосредоточившись именно на этом, а не на капитане, который рассматривал его внимательно и едко.

– Про то, что случилось под твоими окнами, знаешь? – спросил его Вадик, сразу поняв, что подросток не так прост и что он явно чего-то боится.

Может, того, что перестал ходить в школу, пока родители на отдыхе?

– А что случилось под моими окнами? – Вовка ловко изобразил недоумение, на мгновение подняв глаза от тарелки.

– Убийство, – коротко ответил Харламов.

– Что, прямо под моими окнами убили, что ли? – Вовка недоверчиво хмыкнул.

– Может, и не под твоими. – Не стал Харламов спорить. – Но нашли тело именно там.

Он указал за окно, за которым бесновался рыжими красками октябрь.

– Я не находил, – тут же отреагировал Вовка и принялся внимательно рассматривать, как растекается плохо прожаренный желток по тарелке. – И вообще ничего не слышал и не знаю. Я еще маленький, совсем невзрослый. И... Куда это вы?!

Он рванул следом за Харламовым, но не успел перехва-

тить. Тот уже вышел на балкон и с понимающей ухмылкой рассматривал пепельницу, полную окурков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.